

шеству не изменился тип строения общества, по-прежнему *авторитарный*; меновые связи еще не играют преобладающей роли и не могут, поэтому, определить собою общую форму идеологии. Но прежняя форма, авторитарная, изменяется и совершенствуется, приспособляясь к развитию техники и экономических отношений.

Причинная связь фактов понимается, как и раньше, по аналогии с властью—подчинением; но грубые формы анимизма отступают, сменяясь новыми, более тонкими и гибкими. Так, благодаря накоплению и передаче практических знаний, «души» большинства обыденных предметов окружающей среды шаг за шагом атрофируются и исчезают. Когда с этими предметами научаются надежно, без всяких неожиданностей справляться на основании точного и достаточно полного ознакомления с их свойствами, тогда фактически перестают принимать в расчет их „души“ т.е. скрытую в них самостоятельную волю, а затем постепенно перестают и мыслить ее; создается таким образом мир «неодушевленных» вещей.

Этому способствует и то обстоятельство, что человеческое мышление, систематизируясь в привычных, социальнотрудовым строем «показанных» схемах, по образцу иерархии людей бессознательно творит иерархию вещей. Получается воображаемый мир полу-богов, богов и высших богов, управляющих различными группами фактов и вещей, различными стихиями природы, наконец, всей природою в целом. Все неожиданное и непонятное в сравнительно обыденных вещах относится тогда за счет воли этих высших организаторов; к ним во всех подобных случаях обращается человеческая мысль; к ним, как суровым, но любящим покорность феодалам, направляется «молитва»; им приносится «жертва», которая в данную эпоху принимает ясно выраженный вид барщины или оброка—выполнения какой-либо работы на службе богам, или отдачи им части продуктов труда, при чем то и другое постепенно точно нормируется, как всякая барщина и оброк. Таким образом все необычное в обычных вещах уже не сводится к проявлениям их собственных «душ», а объясняется воздействием «душ» высшего порядка; самые же вещи продолжают терять остатки своей «одушевленности»... То, что мы называем «чудом»—вмешательство той или иной высшей воли в ход вещей—здесь, с одной стороны, органически входит в *естественный* порядок, в организованную систему опыта людей, с другой стороны—*объективно*, как видим, помогает развиваться и укрепиться более правильным и точным представлениям о большинстве предметов трудового опыта¹⁾.

¹⁾ Этот последний вывод может, с первого взгляда, показаться чрезвычайно странным,—так упорчилась в современном сознании привычка считать идею „чуда“ за голое заблуждение, бесполезный или

В то же время сохранившиеся «души» людей и животных изменяют свои свойства; они перестают быть простым и грубым повторением соответственных «тел». Благодаря большему, чем прежде, знакомству с физическими свойствами вещей, с одной стороны, более полному и строгому ограничению «души» чисто организаторскими функциями — с другой, «душам» приписываются особенности самых тонких и неуловимых физических предметов; они уподобляются воздуху, огню, облакам, тени и т. под.: душа постепенно «дематериализуется», параллельно, с «обездушием» обыкновенной материи. Дуалистическое мировоззрение углубляется и завершается в своем развитии.

При этом создается новое, идеологически очень важное представление — о «бессмертии» душ. Организаторская функция в трудовом процессе исторически *непрерывна*. Когда умирает один организатор, то не только он сейчас же сменяется другим, приобретающим в тот же момент его власть, его роль в социальной системе, — но и непосредственная, так сказать, его организаторская функция реально не прекращается. «Заветы предков», «повеления предков» в виде жизненных правил остаются обязательными для потомков и строго исполняются ими. Исполнять чье-либо повеление, это, для конкретного мышления тех времен, значит подчиняться ему, как реальному существу, все равно, жив он или умер. Поэтически образное выражение этого факта в народном сознании образует идею «бессмертия души». Что именно таково происхождение и смысл данной идеи, о том свидетельствуют и сейчас сохранившиеся у некоторых племен, стоящих на ступени полупатриархального, полу-феодального быта, верования о переходе души старого вождя, немедленно после его смерти, к повсму, — весьма точное описание действительности, если под слово «душа» подставить его социальное содержание: организаторская функция. На то же указывает и еще шире распространенное ограничение «бессмертия» душ именно вождями или старейшинами родов.

Так разными путями складывались основы тех религиозных мировоззрений феодальной эпохи, остатки которых удержались еще и в нашем современном обществе, опираясь на такие же остатки авторитарных практических отношений между людьми. Но теперь эти религиозные пережитки существуют обособленно, не входят органически в господствующие системы идеологии, более или менее резко отделяются в са-

даже вредный для развития плод познавательной слабости людей. Но с точки зрения *организующей роли познания в социально-трудовой жизни людей* тот же вывод не только понятен, но и необходим: сохраняться и упрочиваться в трудовом обществе могли только такие идеи, которые были так или иначе полезны в коллективной борьбе за жизнь. Все, что могло бы спутывать и расстраивать еще слабые и непрочные представления о постоянных связях явлений, все это как бы отвлекалось и отстранялось от них понятием „чуда“.

мом мышлении людей от практических и научных знаний от правовых и политических идей и т. под. Ничего подобного не было в феодальном мире. Мы даже не в состоянии ясно представить себе ту величайшую цельность, стройность и всеобъемлющую универсальность, какие были свойственны его религиозным мировоззрениям в их развитом и законченном виде.

Любое, самое узкое и конкретное, самое практическое знание неразрывной цепью психологических связей соединялось с высшими и верховными фетишами, божествами стоявшими в центре религиозной системы. Та хотя бы мельчайшая закономерность фактов, которая выражалась в этом знании, была всегда лишь частным проявлением всеобщего порядка, установленного верховною властною волей, прямо или через низших авторитарных фетишей—это безразлично, так как они все равно должны были и могли только творить волю пославшего их. И эта зависимость отнюдь не просто отвлеченно признавалась, а непосредственно чувствовалась, проникла собою каждый акт человеческого мышления; все полезное, все разумное, все радостное прямо вызывало идею о благодати божества, все вредное и мучительное—идею об его гневе, о нарушении его законов и повелений, или об его желании испытывать покорность своих подданных. Молитва или молитвенное настроение сопровождали всякий крупный и почти всякий даже мелкий акт сознательной человеческой жизни, личной или социально-трудовой. За всякое общее дело, производственного или военного характера, принимались не иначе, как «помолясь», а в более серьезных и опасных случаях—принесши надлежащие жертвы, испросивши разрешение грехов и т. п. Этим достигалось и уверенное, гармоничное душевное состояние сотрудников, и общее единство их настроения—условия, в высшей степени важные для успешности дела, для производительности труда или для энергии натиска на врагов.

Только ясное представление универсально-организующей роли религиозной идеологии во всей трудовой жизни феодальной эпохи делает понятным нередкое тогда господство жрецов в социальной системе, нередкое преобладание жречества даже над военными или «светскими» феодалами. Жречество было носителем всех *обобщающих знаний* того времени, технических и социально-организационных; оно было наследником «старейшин» и патриархов», как производственных руководителей родового общества, в такой же мере как феодалы светские были наследниками «вождей»—руководителей военных (и большей частью, также торговых).

О полноте и о непрерывности этой практически-руководящей функции жрецов в тогдашней жизни может дать слабое представление психология современной верующей католички, которая по каждому жизненному вопросу, начиная от супружеских отношений и кончая финансовыми операциями, советуется со своим духовником и ничего не предпринимает без

его благословения. Самая возможность развития в большинстве феодальных религий такого учреждения, как обязательная «исповедь», т.-е. систематический контроль духовенства над всеми делами и даже мыслями людей, достаточно ярко свидетельствует о глубине, широте и о социальной необходимости организаторской роли жрецов во всей жизненной практике той эпохи ¹⁾.

Вся нормативная идеология феодального мира входила в его религиозное мировоззрение, с которым она органически сливалась. Из прежней всеобщей формы — «обычай» — возникли и выделились новые. Сначала это — «обычное право», отличающееся от обычая по преимуществу своей меньшей стихийностью, тем, что оно осуществляется определенной властью, в определенных внешних формах. Затем оно, в свою очередь, дифференцируется на «право», неразрывно связанное с наличием государственной организации, которая установленными способами его вырабатывает и поддерживает, — и «правственность», — сохранившиеся в общественном сознании элементы обычая и обычного права, которые не входят в «право» официальное и не поддерживаются внешней принудительной силой государства.

Надо, впрочем, заметить, что обособление «права» и «правственности» только начинается в феодальном мире, но далеко еще в нем не завершается. В религиозном мышлении граница между «грехом» и «преступлением», «добродетелью» и «обязанностью» никогда не становится резкой и устойчивой; и, благодаря особенно влиянию жречества, первое очень часто переходит во второе, — то, что вчера вызывало лишь неорганизованное порицание общественного или сословного мнения, сегодня становится предметом строгой и организованной правовой репрессии; примером этому могут служить многие законы против роскоши, ростовщичества, религиозных ересей и т. п.

Сословное строение общества, даже тогда, когда оно не достигает законченно-кастовых форм, отражается в области норм не только различными правами отдельных его групп, но также, поскольку правственность уже получает до некоторой степени самостоятельное существование, — и различными нравственными нормами. Напр., в католическо-феодальной Европе для духовного лица признавались важнейшими добродетелями смирение и кротость, для светского феодала — щепетильная заботливость о родовой чести и сокрушительная воинственность, а для крестьянина — покорность высшим и

¹⁾ Идея «бессмертия души» была могущественнейшим орудием господства жреческого сословия, его организаторской власти в тогдашнем обществе: «рай» и «ад» и «чистилище» были не менее действительными санкциями жреческих прав и практической непогрешимости воли духовенства, чем тюрьмы, пытки и костры для неповиновующихся еретиков. Огромное экономическое и консервативное значение идеи «бессмертия души» из этого вполне ясно.

терпеливость в бедствиях прежде всего. И религия одинаково освящала все эти добродетели—каждую на своем месте, — как предписания богов, устанавливающих законы жизни и общества, наказывающих и награждающих каждого собразно с тем, насколько дурно или хорошо он выполняет жизненные задачи, возлагаемые на него его сословным положением.

Здесь перед нами снова с особенной яркостью и очевидностью выступает организующая роль идеологии в социальной жизни. Сословные добродетели различны потому, что различные качества нужны отдельным сословиям для выполнения и укрепления их специальных функций в общественной системе. Смирение и кротость требуются от духовного лица потому, что они обеспечивают с одной стороны необходимую дисциплину самой жреческой организации, с другой стороны — легкость сближения и общения духовного пастыря с тем человеческим стадом, которым он призван в жизни руководить ¹⁾. Семейная гордость, гарантирующая от смещения с другими сословиями, и физическая свирепость необходимы феодалу для надлежащего поддержания его власти и достоинства в мирной жизни, для внушения страха врагам—в военной. А для чего нужны покорность и терпение крестьянину—это понятно само собою.

Социально-организационное значение имеет и типичный именно для наиболее развитых феодально-жреческих организаций обет безбрачия. Когда, напр., католическая церковь стала единственным всеобъединяющим учреждением европейского феодального мира, когда на нее легла гигантская тяжесть практически-организационных задач, от самых широко-политических, как руководство охраной этого мира в целом от теснивших его внешних врагов, до мельчайших экономических задач быденной жизни, — тогда церковь, приспособляясь к огромным требованиям жизни, создала институт безбрачия. Дело шло тут прежде всего о том, чтобы ряды духовенства могли непрерывно пополняться лучшими, по призванию организаторскими, силами из всего общества; жреческие семьи были, конечно, препятствием для этого, ибо при сословном строе они неизбежно вели к образованию наследственной касты: родители стремились замещать себя в своем служении своими детьми, и для притока свежих элементов не могло быть простора. Затем, строгая централизация и дисциплина, необходимые церкви в ее всеобъемлющей организаторской деятельности, делали в высшей степени важным сведение к минимуму всяких личных связей у ее бесчисленных агентов.

¹⁾ Разумеется, для духовного феодала, с его большой властью и могуществом, „смирение“ было, чаще всего, внешней формой, да и „кротость“ обыкновенно тоже,—духовные сеньеры при случае умели вести войны и жестоко расправлялись с ослушниками. Но самый факт упорного сохранения этой формы через целый ряд веков ясно говорит об ее социальном значении.

Наконец, для сохранения ее экономической силы и могущества, было необходимо избегать дробления церковных имуществ, а оно было неизбежно при наследственной их передаче в семьях. Так установление, по внешности чисто-моральное, преследующее самые «идеальные» цели, в действительности служило для удовлетворения самых практических, а именно—экономических потребностей.

В своем целом, феодальная идеология по существу так же консервативна, как идеология патриархального мира, именно потому, что так же, как и та, является авторитарной. Нам нет надобности иллюстрировать этот консерватизм историческими примерами: всем известны враждебное отношение церкви к техническим изобретениям и научным открытиям, ее стремление распространять в массах суеверный ужас пред всякими нововведениями и беспощадную ненависть к ним, трагическая судьба большинства великих изобретателей и мыслителей того времени. Совершенно понятно, что главными носителями авторитарного консерватизма были жреческие организации, как выполнявшие в наибольшей широте и полноте общественно-организаторские функции, а потому наиболее заинтересованные в сохранении установившихся форм жизни.

Социальный смысл этого консерватизма хорошо иллюстрируется весьма, по внешности, противоречивыми отношениями христианских церквей и других жреческих организаций к «еретикам» и иноверцам. При завоеваниях наиболее обычно насильственное обращение побежденных в веру победителей; так, франки обращали в христианство саксов в эпоху Карла Великого, арабы в ислам целый ряд завоеванных народов; но напр., татары, подчинивши славян, оставили им полную религиозную свободу. На евреев в христианских и мусульманских странах время от времени воздвигались жестокие гонения, обычно же они, как и мусульманские кушцы в европейских городах, жили относительно спокойно. А еретиков, которые неизмеримо меньше расходились с господствующим учением, чем совсем его не признававшие иноверцы,—еретиков не терпели и преследовали более или менее систематично.

При ближайшем исследовании кажущиеся противоречия отпадают. Завоеванных иноверцев вынуждали принять свою веру, когда хотели прочно слить их со своей организацией,—единство организующей идеологии тут было необходимо. Когда такой задачи не ставилось, напр., у татар в эпоху монгольского ига, к иноверцам обнаруживали терпимость. Евреев то терпели, то преследовали, потому что они были социально-необходимы, как торговцы, доставляющие полезные товары, но ненавистны, как представители эксплуатирующего и разлагающего старые отношения *торгового капитала*. К еретикам же, при обычных условиях, относились хуже, чем к иноверцам, в силу чисто практического социального консерватизма. «Ересь», т. е. частичное изменение установленной идеологии, означала зарождение новых жизненных тенденций

в данном обществе, начинающих организоваться в новую идеологию, следовательно, имела в основе некоторый подрыв существующего строя, — тогда как иная вера, возникшая в другом обществе, и свято сохраняемая в передаче от отцов к детям, не имела *такой* социальной подкладки. Вполне логически вытекал отсюда и тот обычный факт, что власти духовные и светские предоставляли иноверцам также свободу преследовать *их* еретиков, — только не тех, разумеется, кто изменял им для перехода в господствующую веру.

Но если принципиальный консерватизм авторитарного мышления в феодальную эпоху остается в полной силе, то фактически развитие совершается все-таки несравненно быстрее, чем в предыдущем периоде. В течение столетий переживаются столь же глубокие социальные преобразования, какие там требовали бы для себя тысячелетия. Консерватизму мышления противостоят новые условия. С одной стороны, благодаря в огромных размерах возросшей широте и сложности социальной системы, *сумма* элементов развития, возникающих в различных ее частях и в их взаимодействии, во много раз превосходит прежнюю. С другой стороны, не только продолжает усиливаться действие прежних сил развития, но рядом с ними выступают еще новые, более могущественные силы.

7. Развитие обмена в феодальную эпоху.

Уже в патриархально-родовой период организация меновых отношений между соседними общинами становится исключительно делом их представителей, в первую очередь — военных вождей. Развитие феодальной системы сопровождалось с одной стороны дальнейшим закреплением этих функций, как привилегии феодалов, а с другой — ростом обмена.

Представитель родовой группы превращается в сеньера; в его распоряжение поступает весь прибавочный продукт, все избытки, которые остаются у членов общины по удовлетворении ее обычных потребностей и которые могут быть обменены на чужие продукты.

Масса прибавочного продукта увеличивается по мере того, как производительность труда повышается, и по мере того, как сеньер подчиняет себе новые и новые общины. Усиление борьбы заставляет увеличивать размеры дружин и, следовательно, повышать оброки и барщины. Увеличение дружины содействует расширению области, подчиненной сеньеру, и, следовательно, приводит к возрастанию достигающегося ему прибавочного продукта. Но этот же процесс объединения, раз начавшись, разрушает местную обособленность, сталкивает сеньера с новыми областями, наконец, с новыми странами и расширяет его знакомство с предметами, которые не производятся в его области. Потребности сеньера и его дружинников начинают расширяться и развиваться. Прибавочный продукт

уже не целиком потребляется в той форме, как его произвели крестьяне: часть его посредством обмена превращается в предметы роскоши, т.-е. в предметы потребления, не доступные массам, в предметы, которые не производятся в данной области и, добытые посредством обмена, должны удовлетворять новым, более утонченным потребностям феодалов.

Первые шаги феодального объединения и сами по себе начинаются актами обмена между сеньерами. В этом отношении летописная история израильтян и Египта, Ассирии и Вавилона, Греции и Рима, средневекового Запада и России производит впечатление большого однообразия. Утомленный борьбой вождь посылает своих людей с «богатыми дарами» к предводителю другой стороны. Если последняя тоже достаточно утомилась, то послов «отдаривают», т.-е. отпускают с ответными подарками: война сменяется миром, один сеньер становится вассалом другого и впредь уже регулярно отправляет к нему посольства с дарами, состоящими из наиболее замечательных продуктов своей территории, и в обмен получает редкостные произведения от сюзерена. Начавшись случайным актом, обмен между ними превращается в постоянный. Регулярная дань тоже принимает вид подарков, но дарение становится здесь более односторонним, а с усилением централизации «отдаривание» может и совсем исчезнуть. Так было, напр., в отношениях Соломона к «начальникам областным», назначавшимся его властью (около 1000 лет до Р. Х.).

Первое знакомство между отдаленными феодалами тоже завязывается при посредстве обмена. «И подарила она царю» (царица Савская Соломону, к которому она, услышав о его славе, прибыла в Иерусалим) «сто двадцать талантов золота и великое множество благовоний и драгоценных камней; и не бывало таких благовоний, какие подарила царица Савская царю Соломону... Царь же Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего она просила, кроме таких вещей, какие она привезла царю» (Вторая книга Паралипоменон, IX, 9, 12). Одиссей отплыл на кораблях, нагруженных дарами царя феаков, и, конечно, возвратившись на родину и расправившись с феодалами, нарушившими вассальскую верность и домогающимися руки Пенелопы, ответит подарками, что послужит началом постоянных сношений. Багдадский халиф Гарун-аль-Рашид прислал Карлу Великому посольство с произведениями Востока и получил в ответ богатые подарки из произведений Европы: фризских сукон и проч.

В зависимости от особого характера отношений, складывающихся между обществами феодальной эпохи, и от дальнейшего внутреннего развития этих обществ, дарение является особой внешней формой или единовременной контрибуцией, или более или менее урегулированной данью, или, наконец, развивающегося обмена. Насколько растяжимы рамки дарения, показывают примеры отношений между Соломоном и Хиамом, царем тирским (финикийские владения), между

московскими князьями и Византией, между Англией и Москвой, между европейскими странами и Китаем, Тибетом, Хивой и Бухарой. Обмен, по существу, далеко переростающий случайные акты дарения, от самого своего возникновения и до развитых ступеней, когда он превратился в обширную караванную торговлю, сохраняя форму обмена подарков между феодальными сюзеренами. Когда выделилась профессиональная группа торговцев, их торговые путешествия приняли вид посольств или приурочивались к посольствам. В чужой стране они становились «гостями» сюзерена и начинали свои операции подарками сеньеру, если только вся их миссия не исчерпывалась вручением подарков ему и получением от него соответствующих подарков¹⁾.

Храмы античного мира, а в особенности храмы на древнем Востоке, сыграли в развитии обмена не меньшую роль, чем светские феодалы. Прибавочный продукт, сосредоточивающийся при храмах, давал материал для обмена. Центральное положение, которое занимали храмы в феодальных объединениях, приводило к тому, что здесь скорее всего получалось знакомство с новыми предметами, которые могут удовлетворять новым потребностям. А так как растущие потребности духовных сеньеров с самого начала принимали идеологическую форму требований культа, т.е. неразрывно переплетались с требованиями божества, то это до чрезвычайности облегчало удовлетворение этих потребностей, делало заботы о нем заботами всего союза и всех его составных элементов.

Понятно поэтому, что ранняя торговля Востока производит такое впечатление, как-будто она удовлетворяла только двоякого рода потребностям: потребности царей, т.е. феодальных сюзеренов, и потребности храмов. Многочисленные караваны, которые приходили к Соломону от финикийцев (царя Хицана) и из Аравии, доставляли смолы, курения и благовоения, золото, серебро и медь для утвари и украшений дворца и храма, кедр, кипарис и другие строительные материалы и

¹⁾ С крушением феодальной системы и переходом к централизованному бюрократическому управлению, подарки—обычный символ мирных отношений вообще и вассальной зависимости в частности—превращаются в средство подкупа. Уже во II веке до Р. Х. в Риме не было такой высокой стены, через которую не перелез бы осел, нагруженный золотом. Взятки, которые в ранний период полицейского государства являются одной из наиболее устойчивых норм обычного права, лишвы раз напоминают о преемственной связи этого государства с феодальным помещиком. По мере того, как наследственный сеньер сменялся наместником, а его управляющие, приказчики и т. д. развивались в министров, дьяков приказных, вообще, в чиновников, тот подарок, с которым вассальный крестьянин являлся в усадьбу за разрешением своего дела, развивался в «правомерную» взятку, без которой чиновник не делает ничего, но за которую он все может сделать, как фетиш за надлежащую жертву. Это—тоже своеобразный обмен, при котором в товар превращается, с одной стороны, продукт, а с другой—«услуга» чиновника. По своей внешности, он до конца сохраняет патриархально-феодальную форму «обмена подарками».

искусных рабов, которые могли бы из этих материалов построить дворец и храм и снабдить их всеми необходимыми принадлежностями. Весь прибавочный продукт, который Соломон посылал Хираму в обмен, — огромные для того времени количества пшеницы, ячменя, вина и оливкового масла — целиком шли на приобретение предметов, необходимых при постройке храма и царского дома и ни на что больше (Третья книга царств, V, 9, 11).

То же наблюдается и в Египте. Царям там долгое время принадлежала фактическая торговая монополия, как она принадлежала в свое время царям Иудей, и как еще теперь принадлежит «царям», т. е. военным предводителям зарварских племен Камеруна. Но храмы Египта уже более 3000 лет до Р. Х. развили собственную торговлю. И характерно, что, когда Рамзес II (XIV—XIII в. до Р. Х.) задумал сломить неприязнь египтян к морской торговле, он начал с того, что пожертвовал роскошное судно *храму в Фивах*. Это было несомненным признанием выдающейся роли храма, как центра обмена.

Главными предметами посреднической торговли финикийян, кроме бронзового оружия, были опять-таки металлические, стеклянные и глиняные сосуды и украшения, курения и благовония, смолы и вина, виссон (льняные ткани из Египта) и пурпур, — словом, предметы, потребителями которых были храмы и крупнейшие феодалы, в первую очередь — цари.

Но значение храмов в развитии обмена не исчерпывается их собственными торговыми операциями: под их покровительством обмен как бы демократизируется, от феодальных верховшек спускается вниз. Вследствие общих условий первоначального грабежа-обмена он был доступен только крупнейшим сеньерам, которые, опираясь на сильные дружины, могли предпринимать походы в соседние страны. Мелкие сеньеры, поскольку они выступали самостоятельно, оказывались чаще объектами одностороннего грабежа, чем деятелями двустороннего обмена.

Но тот самый обмен между крупными сеньерами, который создал нейтральные территории между их владениями, привел к тому, что на этих территориях враждебные действия вообще прекращались, и что, попадая на них, мелкий сеньер и даже зависимый крестьянин становились под защиту жреческой корпорации. Религиозные празднества, как указано выше, совпадали с важнейшими моментами сельскохозяйственного цикла. Население, собирающееся на них, реализовало результаты истекшего периода этого цикла и запасалось на следующий период. Празднества с самого начала были в то же время и днями *ярмарок*. По мере того, как значение обмена росло, крепло и ширилось экономическое, а вместе с тем и религиозное значение празднеств. В конце-концов они превращались в такие крупные национальные события, как пасха в Иудее, как олимпийские, дельфийские и другие

празднества в Греции. А храмы востока постепенно становились не только центрами торговли, но и торговыми помещениями,—припомним изгнание торгующих из иерусалимского храма. «Священные дороги», по которым двигались пилигримы, являлись в то же время и торговыми путями, по которым шли караваны.

То же было и в средневековый период. Мекка с ее Каабой задолго до Магомета была уже важнейшим религиозным и торговым центром Аравии. Ежегодный праздник весны привлекал и толпы пилигримов, и бесконечные торговые караваны. На четыре месяца устанавливался «божий мир», и купцы передвигались, не опасаясь разбоев.

В ранний период феодализма на Западе широкие рыночные операции тоже приурочивались к церковным празднествам. Об этом до сих пор напоминает слово «месса» (Messe), которое одновременно означает и богослужение, и ярмарку. Торговое развитие Базеля, Страсбурга, Нюрнберга, Винчестера, Утрехта и т. д. неразрывно связано с развитием празднеств, устраивавшихся в честь местных святых. Если простая близость к храму недостаточно гарантировала безопасность обменивающихся, то и товарные склады и торговые операции переносились в самый храм. Особенное значение церковное покровительство приобретало для тех чужеземцев, инородцев и иноверцев, которые или вообще были вкраплены в чуждое им общество, как евреи, или являлись на чужбину без всякой военной защиты, как ганзейские купцы из Германии в Новгород. В средневековом Магдебурге торг между евреями и христианами производился в самой церкви в то время, как на хорах шло богослужение. В Меце и Вестминстере, Руане и Новгороде, Брюгге и Бергене товары приезжих сохранились в церквях. В Киевской Руси монастырь был обычным местом «поклажи», т. е. имущества мирян. Такое же значение сохраняли монастыри и в позднейшее время; они одинаково принимали на хранение и деньги, и домашние вещи, и разные товары ¹⁾.

¹⁾ В позднейшее время, по мере того, как непосредственный обмен все более уступал место собственно торговле, церкви еще долго оставались местами, где в тайниках прятывались от надвигающейся опасности драгоценности, в первую очередь—деньги. Но зато при востребовании иноверцев церкви (и монастыри), как крупные склады и хранилища, подвергаются ограблению в первую очередь. Так как искусство феодальной эпохи было неразрывно связано с храмами (а позже, кроме того, с домами крупнейших сеньеров), и так как потайные пустоты в статуях и пьедесталах, в стенах и под картинами служили хранилищами сокровищ, то мы получаем достаточное объяснение „вандализма“ не только вандалов, но и всех феодальных и даже позднейших завоевателей. С разложением феодальной системы единоверпы, в свою очередь, дерзают следовать такому примеру. Все это закрепляет средневековое представление о внутренней связи всякой войны с „защитой истинной веры и храмов“ (обыкновенно „и могил предков“, что будет понятно, если вспомнить богатые усыпальницы феодальных сеньеров у египтян и германцев, у скифов, греков и славян).

В России еще и теперь сохранились ясные следы средневековой связи церкви с обменом, праздников с ярмарками. Те ярмарки, сельские и городские, на которых земледельческая Россия обывает хлеб и скот, шерсть и птицу, перо, пух и продукты подеобных земледельческих промыслов, деревенских кустарей и ремесленников, издревле и до настоящего времени приурочиваются к местным праздникам; последние же совпадают с важнейшими моментами сельскохозяйственного года, когда у земледельца является возможность и необходимость продажи с одной стороны, купли — с другой.

По мере того, как обмен становится необходимым условием обычного образа жизни сеньеров и создает некоторые нормы обычного права, отграничивающие его от войны, светские сеньеры берут на себя охранение этих норм. Гарантируя своей вооруженной силой безопасность пришельцев и мирный судебный разбор столкновений между ними и туземцами, они содействуют тому, чтобы рынки устранивались в их собственных владениях, по близости от их резиденций. Таким образом сами феодалы, в особенности крупные, покровительствуют зарождающейся торговле, которая уже при самом своем возникновении является отрицанием натурально-хозяйственных отношений феодализма, а впоследствии, достигнув известной ступени развития, ведет к разрушению феодального общества.

Общая организация обмена постепенно претерпевает существенные изменения. Раньше торговое путешествие по своей организации совпадало с военным походом. Теперь торговые караваны нуждаются в сравнительно небольшой охранной страже. Торговое посольство Гарун-аль-Рашида в его владениях охраняется организованной силой его государства, а перейдя в Европу, пользуется защитой тех организованных сил, во главе которых стоит Карл Великий. Караваны, отправляемые храмами, охраняются от посягательств своим божеством.

Политический авторитет светских и духовных сюзеренов вытекает из их физической силы, которая применяется каждый раз, когда мир нарушается грабежом. Сеньеры, захватываемые меновыми отношениями, начали борьбу с грабежами. В Египте и Месопотамии безопасность торговых путей установилась уже за несколько тысячелетий до Р. Х.; она нарушалась в первой стране только племенами, кочующими в пустынях, а во второй — горцами, до которых не могла добраться организованная сила равнин. В Греции безопасность внутреннего обмена устанавливается с VI века, и тогда же началась борьба с пиратством, которое еще незадолго считалось правоммерным источником добычи, а теперь постепенно превратилось в разбой.

Однако обмен лишь с величайшей медленностью порывал свою историческую связь с грабежом.

Во-первых, даже на суше сеньеры, если только имеется

надежда на безнаказанность, не отказываются от ограбления караванов. Чем далее от главных торговых путей лежит страна, тем медленнее развивается в ней внутренняя безопасность. В Германии на всем протяжении средних веков обозы и караваны могли двигаться только под сильной военной охраной. Безопасность обеспечивалась вообще только для внутренней торговли. Но феодальное общество с его провинциальной обособленностью характеризуется полной неопределенностью понятий «внешний» и «внутренний»: престранство современной Ярославской губернии, напр., в феодальную эпоху было покрыто десятками уделов, сеньеры которых вели себя, как самостоятельные государи. Да и владеец всякой сколько-нибудь крупной вотчины чувствовал себя государем и, если не затрагивал другого крупного же боярина, мог быть уверен в полной безнаказанности. Морская торговля вплоть до капиталистической эпохи переплеталась с грабежом. Пиратством признавалось нападение на суда только тех областей, которые входили в феодальный союз. С Поликратом, сюзереном Самоса, в VI веке до Р. X. наводившим своими разбоями ужас на все Эгейское море, боролись; но этрусские и финикийские корабли захватывались каждый раз, как только представлялась возможность, и законы Соломона содержат признание ассоциаций пиратов (*ἐπὶ λείαν*), как вполне позволительной профессии. Даже в эпоху Юлия Цезаря Средиземное море кишело пиратами; это не были разбойники в современном значении слова, — чаще это были сеньеры со своими дружинами, верные хранители в Римской империи уже отживших тогда обычаев и отношений феодальной эпохи. У берегов современного Китая только европейцам удалось сократить пиратский промысел, развивавшийся в тесной связи с собственной речной и прибрежной торговлей китайцев. О торговле итальянских республик, как Генуя, Пиза, Венеция нечего и говорить: обмен явственно ограничился здесь от войны только в капиталистическую эпоху. Колониальная же торговля — с отсталыми полуварварскими племенами — до сих пор лишь неуловимой гранью отделяется от разбоя. В Англии еще в XIV веке один моряк, ограбивший английский же корабль, через несколько лет был избран мэром (головой) в своем родном городе.

Во-вторых, имея возможность и, по воззрениям феодальной эпохи, полное право ограбить караван или обоз, сеньеры заставляли купцов откупаться от грабежа. Сеньер требовал части товаров за то, что даровал пришельцам жизнь, свободу и остальные товары. Привилегии, которых иноземцы добивались от сеньеров чужих стран, сводились главным образом к этим трем благам. Грабеж медленно эволюционировал в урегулированные поборы, военная добыча сеньера сменялась торговой пошлиной, зачаточной формой позднейших таможенных пошлин. Размер торговых пошлин сначала целиком зависел от произвола сеньера, — не даром они пред-

ставляли выкуп за его «право на разбой». Взимание части товаров при случае сменялось полным ограблением. Название пошлин еще долго напоминало об их происхождении: это — «провозные пошлины», «пошлины за охрану в пути», «пошлины за охрану на рынке». Взимались они одинаково с ввозимых и провозимых товаров. Лишь с большой медленностью они развивались в сборы на сооружения и приспособления, необходимые для торговли: дороги, мосты, гавани, крытые рынки и т. д. Тогда они постепенно приобретали финансовое значение. Но это относится к позднему времени. В собственно же феодальную эпоху ими просто оплачивался отказ сеньера от грабежа и его защита от ограбления другими сеньерами.

Как бы медленно ни приспособлял обмен феодальное общество к своим потребностям, как бы велико ни было родство новых торговых обычаев с отношениями одностороннего завладения, все эти изменения, накопляясь в постоянной борьбе, вели к одному результату: сеньер, который был главным и единственным носителем обмена в ранний период феодализма, постепенно становится излишним, как непосредственный деятель обмена. Торговые караваны идут без него. Если сюзерен успел достаточно подчинить себе область, то и охранной стражи не надо. Сеньеру достаточно только время от времени предпринимать карательные экспедиции и наказывать тех, кто нарушает складывающиеся обычаи и нападает на его караваны. Первыми предвестниками начинающегося феодального объединения были *военно-меновые походы*; в развитом феодальном обществе объединение расширяется и углубляется уже походами, которые должны обеспечить прочную и длительную безопасность *мирным купцам*. Этим различием мотивов, которыми руководствуется сюзерен-собиратель, лучше всего обрисовывается глубокое изменение в общих условиях обмена. Между различными странами, связанными торговлей, заключаются договоры — торговые договоры, которыми на началах взаимности гарантируется безопасность передвижения и пребывания «гостей» в чуждой стране. Необходимая предпосылка этих договоров — такая степень политического и военного объединения, при которой у сюзерена есть возможность принудить отдельные области к соблюдению заключенного им договора.

Собственно меновые функции отпадают от сеньера; это постепенное отделение меновых функций от военно-организаторских является в то же время процессом создания новой профессиональной группы-сословия: торговцев (купцов).

Новая профессиональная группа, как и все позднейшие сословия средневекового общества, зародилась в господской усадьбе, в том самом ойкосе, в центре которого стоял феодал. По мере того, как устанавливалась некоторая безопасность сношений, сбыт излишка продуктов, накапливающихся при усадьбе, и приобретение продуктов из чужих областей

переходили от сюзерена к мейерам, управляющим, приказчикам, — вообще к тем служащим сюзерена, «министериялам», которые заведуют и всем господским хозяйством. Часть из них специализировалась на меновых операциях, превращаясь в тех купцов — точнее было бы сказать в приказчиков — сюзерена, с которыми мы встречаемся в эпоху последнего расцвета феодализма у израильтян: «коней же царю Соломону приводили из Египта и из Кувы; *царские купцы* покупали их из Кувы за деньги» (Третья книга царств. X, 28). Министериялы за свои заслуги получали от своих господ лены, сами старались, чего бы это ни стоило, превратиться в сеньеров, но после того не всегда порывали свои связи с обменом. Их потомки в торговых городах Германии — Аугсбурге, Ульме, Бреславе и т. д. — уже в XII—XIII вв. составляют заметный элемент той городской торговой аристократии, того патрициата, который сосредоточивал в своих руках все *крупные* торговые операции, откупал, между прочим, заведование чеканкой монеты и сбором всевозможных налогов.

Рыночные операции министериялов феодальной эпохи неразрывно связаны с хозяйством господской усадьбы. Они должны были просто реализовать тот избыток ренты, который превышает потребность феодала: заменить его первоначальную натуральную форму другой натуральной формой, напр., на пшеницу выменять слоновую кость. И операции эти остаются операциями сюзерена: министериял выполняет их для своего господина. Словом, этот купец феодальной эпохи не обособился от хозяйства усадьбы: он во всем исполняет волю своего господина. Его обмен остается деятельностью феодала, делегированной особому служащему и продолженной за пределы усадьбы.

В тех местах, которые вследствие выгодного положения постепенно развиваются в рынки, сеньеры неизбежно втягиваются в меновую деятельность. Сравнительно мелкие окрестные сеньеры, которые не могут держать достаточного штата служащих, время от времени сами сбывают излишки продуктов и получают привозные предметы роскоши. Те рынки, которые шаг за шагом превращаются в центры широкой торговли, привлекают феодалов разнообразием и сравнительной роскошью жизни, возможностью добиться влиятельного положения, а потом и кипучей политической борьбы, которая концентрируется в городах. Этот процесс мы характеризовали в предыдущей главе, как «синойкизм», как образование «общих селений» феодальными элементами.

Феодал, переселившийся в город, рано вырабатывает презрительное отношение к тем торговцам, которые занимаются *мелкой* торговлей, как постоянной профессией. Но его презрение не распространяется на меновые операции в крупном масштабе и на случайные, эпизодические сделки, которые приносят крупные выгоды.

Участие феодалов в крупной торговле можно проследить

на древнем Востоке. Той эпохе, от которой до нас дошли древнейшие исторические документы, предшествовало многовековое «городское» развитие, т.-е. переселение феодалов из усадеб в общие укрепления, создавшиеся около главных центров обмена. Выдающиеся торговые фамилии Финикии были потомками древней аристократии, сеньеров феодальной эпохи.

То же повторяется и в средневековой Европе. В Кельне, Ульме, Франкфурте на Майне, Лилле, Брюгге, Генте, Бристеле, Норфольке, Плимуте, Венеции, Генуе, Флоренции, Киеве, Новгороде, вообще во всех городах, которые уже в феодальную эпоху становятся крупными торговыми центрами, наблюдаются те же процессы. Первоначальная история древнейших городов есть история сосредоточения в них феодальных сеньеров, а с ними и ренты, извлекаемой из зависимого населения. Они—не профессиональные торговцы, главная основа их существования—феодальное производство деревни. Но их торговые операции также относятся к операциям профессиональных торговцев, как операции современного помещика, — который тоже глубоко презирает торговлю, но устраивает для себя блестящие поставки хлеба в интендантство и спирта в государственную монополию—относятся к операциям мелкого деревенского лавочника или ростовщика.

Но в собственно феодальный период дифференциация городских и сельских сеньеров еще не пришла к завершению. Базисом торговли городского сеньера оставалась его внегородская усадьба; товары, которые он продавал, извлекались, как прибавочный труд, из крестьян; люди, которые шли с караванами и судами, вербовались из зависимого населения в сеньерии. И те барыши, которые сеньер извлекал из торговли, шли опять-таки на расширение его феодального хозяйства. Средневековый министернал старался приобрести лен, городской сеньер—увеличить уже существующий. Словом, пока феодальное производство оставалось живучим, все из него исходило,—но и все возвращалось к нему. Исходила торговля из усадьбы, из ренты,—и возвращалась опять к ренте, в усадьбе. Только дальнейшее развитие меновых отношений, создавая в городах новое производство и новые источники общественной силы, могло довести до конца обособление городских сословий от деревенских и отделение торговой прибыли от землевладельческой ренты.

Итак, феодальная усадьба дала одну часть будущего торгового сословия: министерналов и сеньеров, — случайных, эпизодических *крупных купцов*, для которых торговля не считалась, да и фактически не была главной профессией, так как она в существовавшем служила лишь реализации ренты (и даней). Другой элемент торгового сословия дала феодальная деревня. Это—те *мелкие торговцы*, которыми буквально кишат ярмарки и торговые города к исходу феодальной эпохи, но которые были достаточно многочисленны и в ее ранний период.

По мере, того, как определенный пункт превращался в рынок, окрестное население, получало возможность сбыта своих продуктов. Хотя караваны обычно запасались собственным продовольствием, однако его часто хватало только на время пути. Приходилось покупать пищевые припасы у окрестного населения. Но несравненно важнее, что на рынок выносили свои продукты те эмбриональные ремесленники, которые появляются в деревне и в особенности при усадьбе. Даже в современной России кузнецы-полукрестьяне многих деревень работают только в дни базаров и особенно в дни ярмарок. В остальное время они «крестьянствуют».

В ранний феодальный период рынки нередко возникали около местонахождений редких предметов, которые перевозятся без труда и пользуются большим спросом: благовонных смол для балзамирования и курения, золота, самоцветных камней, янтаря и т. д. Здесь же развивалась и переработка этих предметов в бусы, записки, амулеты и талисманы, косметические и волшебные мази, притирания и настойки. Удовлетворив требования своего сеньера, зависимые крестьяне могли сбывать остальное на рынке, уплачивая своему господину надлежавший оброк. Таким образом, уже в древнейшие времена некоторые пункты развились в центры янтарного производства, другие, — производства бронзового оружия и утвари, третьи — стеклянных сосудов и украшений; и в древнейшие же времена храмы сделались центрами примитивных «аптекарских» лабораторий и обширного производства идолов, капищ, амулетов, священных изображений, статуэток, икон и т. д.¹⁾

По мере того, как устанавливается некоторая безопасность на торговых путях, область сбыта для этих и других примитивных ремесленников все более расширяется. Они уже не ограничиваются торговлей на периодических ярмарках своей территории и предпринимают путешествия в отдаленные области. Постепенно намечается обособление группы лиц, которые занимаются земледелием, но значительную часть своего времени затрачивают на производство различных предметов роскоши и организацию отдаленного сбыта; из этой же группы, в свою очередь, выделяются лица, для которых посещение отдаленных ярмарок шаг за шагом превращается в единственное вне-земледельческое занятие.

¹⁾ В Эфесе проповедь апостола Павла началась с великим успехом. Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них". Конкуренция новых амулетов с каждым днем становилась опаснее. И вот произошел немалый мятеж против пути Господня; ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставляющий художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше", и т. д. Эти ремесленники, производившие разные амулеты католического культа, сыграли крупную роль в организации массовых выступлений против церковной политики парижской коммуны. В средние века соответствующие ремесла имели еще большее значение.

Таким образом, эволюция мелкой торговли в феодальный период в общих чертах такова: 1) крестьянин; 2) полукрестьянин-полуремесленник, сам сбывающий свой продукт на соседнем рынке; 3) ремесленник и торговец в одном лице, не порывающий связи с обработкой земли; 4) мелкий торговец, который по поручению деревенских ремесленников посещает отдаленные рынки, но занимается и земледелием.

Даже на высших ступенях своего развития мелкий торговец феодальной эпохи несет явную печать своего происхождения из феодальной деревни, своей тесной связи с крестьянским миром. Передвигается он по торговым путям коллективно, составляя артели, внутренние отношения которых воспроизводят то крестьянскую общину, то большую семью. Избираемый всеми и подконтрольный всем старшина заведует всеми делами артели. На чужбине земляки держатся вместе и поселяются сообща: в одном квартале, на одной улице и, по возможности, даже на одном постоялом дворе, принадлежащем земляку же хозяину. В средневековый период названия улиц, подобные Рогожской (от ямского села Рогожа — теперешний Богородск) или Тверской, «подворий» как Вятское или Серпуховское в Москве, означали несравненно больше, чем в настоящее время: они означали пункты, в которых селились приезжие из вятской, тверской, серпуховской областей. Все потребности артели удовлетворялись из общей кассы, и в нее же поступала вся выручка от продажи, распределявшаяся потом старшиной. Цели этих мелких торговцев оставались тоже чисто-крестьянские: торговля должна была — и могла — дать им только необходимое пропитание. Если же за прокормлением, уплатой оброка, дорожными издержками оставались какие-нибудь избытки, они шли не столько на увеличение масштаба торговли, сколько на упрочение крестьянского хозяйства торговца: совершенно так же, как в областях современной России, удаленных от путей сообщения, мелкие торговцы затрачивают барыши в первую очередь на расширение своего земледельческого базиса, — на улучшение инвентаря, увеличение числа душевых наделов, на аренду земли. Мелкий торговец феодальной эпохи, вышедший из феодальной деревни, неизменно возвращается к ней. Пока феодальное производство остается господствующим, торговая деятельность не столько качественно, профессионально обособляет торговца от земледельцев, сколько количественно отслаивает его от рядовых крестьян, как зажиточного крестьянина.

Но, хотя обмен становился более обычным и даже заурядным явлением, хотя меновая деятельность спускалась от феодальных верхушек вниз, по своим общим задачам торговля феодальной эпохи долго оставалась такой же, как в начале. Это — торговля преимущественно предметами роскоши (и отчасти оружием), обслуживающая потребности сеньеров. И то разделение труда, которое в процессе развивающегося обмена

намечается между странами древнего мира, окружающими Средиземное море, есть разделение труда, производящего предметы роскоши. Так, Египет уже за 3000 лет до Р. Х. выступает на тогдашнем «мировом рынке» с виссоном и другими одеждами из льна, которые ценились так же, как парча в позднейшее время, и, подобно парче, составляли необходимую принадлежность торжественного облачения жрецов и сеньеров. Тысячи за две лет до Р. Х. не меньшее значение приобретает производство из стекла различных изделий: сосудов, бус, имитаций драгоценных камней. Около того же времени выдвигается Месопотамия, из которой вывозятся ковры, занавесы, одежды фантастического рисунка и поразительного для древних блеска и разнообразия. Через Месопотамию же «мировой рынок» вокруг Средиземного моря связывался с Индостаном, откуда доставлялись драгоценные камни. Тысячи за 1½ лет до Р. Х. выдвинулась Финикия со своим производством пурпуровой одежды, различных изделий из стекла, дорогой утвари и оружия из меди и бронзы. Аравия и отчасти Месопотамия снабжали весь тогдашний культурный мир душистыми смолами, лекарственными веществами и острыми приправами. Греция с древнейших времен вывозила боевые колесницы и мелкие украшения (соответствующие нашим «галантерейным товарам»), кожаные изделия и художественно исполненные глиняные сосуды, вино и оливковое масло.

Словом, в той огромной области, которая в позднейшую рабовладельческую эпоху была объединена Римской империей, торговля доставляла прежде всего предметы роскоши для удовлетворения развивающихся потребностей феодалов. Предметы первой необходимости и особенно хлеб ввозили главным образом страны, которые, занимая области, мало пригодные для земледелия, превращались в исключительно торговых посредников (Финикия, отчасти Греция), или же страны, которые превращали соседей в своих данников (те же страны и особенно Рим).

Тесная связь торговли феодальной эпохи с потреблением прибавочного продукта сеньерами обнаруживается и еще в одном характерном явлении: главными торговыми центрами раньше всего становятся резиденции светских и духовных сеньеров ¹⁾.

¹⁾ В областях Африки, населенных варварскими племенами, до последнего времени можно было наблюдать возникновение и гибель «городов», родственных по своему строю древним Вавилону и Ниневии и даже Афинам и Риму. Победоносный победитель заставляет побежденное племя возводить каменные стены, окружающие огромное пространство с дворцом и рынком в центре и широко расбросанными домами, обширными полями, фруктовыми рощами. Отсюда вождь господствует над окрестным населением, «как хищный зверь, живущий в берлоге, в которую он стаскивает добычу». Удачное вторжение другого племени кладет конец этому городу: новый победитель с своею дружиной селится в новом месте, — и к нему быстро перемещаются торговые пути, так как дань начинает стекаться

Старинные историки торговли без всякой критики воспроизводили из древнейших литературных памятников прямые данные и косвенные указания о длине городских стен, численности населения, количестве прибывавших и отбывавших судов и караванов и приходили к поразительным результатам: Ниневия и Тир, Вавилон и Мемфис древнейших времен оказывались у них колоссальными «фабричными» и «торговыми» центрами, средоточиями капиталистической промышленности и торговли. Смягченная форма таких представлений не чужда даже Э. Мейеру.

В городах древности центром всей жизни являлся сеньер, потреблявший ренту, получаемую в виде оброков, барщины и даней. В этом отношении древнейшие Вавилон и Ниневия, Афины и Рим приближаются не к новейшим торговым и промышленным городам, а скорее к средневековому Риму и к Парижу XVII и XVIII веков, где феодалы всего мира прожигали свою ренту, и, пожалуй, к современным Монте-Карло и Ницце, где, впрочем, потребление ренты уже ступеневывается перед потреблением различных форм капиталистической прибыли. Но и такие сравнения скорее отдалают, чем приближают нас к пониманию действительного характера «города» феодальной эпохи: к современным городам-потребителям весь доход стекается в денежной форме, в древнейшие города подававшие массы его поступали в виде предметов потребления.

Возникая, как общее поселение сеньеров, древнейшие города Месопотамии и многие старинные города средневековой Европы до очень позднего времени оставались совокупностью феодальных усадеб, к которым примыкали сады, огороды, фруктовые рощи и даже поля. Хотя усадьбы много меньше, и расположены много теснее, чем в деревне, но все же города раскидывались по этой причине много шире, чем соответствует численности населения. По данным Геродота, напр., выходил, что Вавилон занимал площадь почти в 500 кв. километров, — в 8 раз большую, чем Берлин начала XX века с его двумя миллионами населения, в $5\frac{1}{2}$ раз большую, чем теперешняя Москва с ее двумя миллионами населения. Но насколько разбросано было «городское» население древности, можно судить по тому, что Аристотеля не удивляет следующее обстоятельство: когда Вавилон был взят, часть его населения узнала об этом только через три дня. И даже Москва

к нему. Таким образом быт современных варваров бросает свет на древнейшую историю Египта, Месопотамии, Ирана и Китая: совершенно так же, как китайские пираты кое в чем воспроизводят отношения финикийской и греческой торговли. Но историческая обстановка совершенно иная, — и только потому отношения, которые в древнем мире были первоначальными ступенями бесконечного, хотя и прерывавшегося по временам процесса общественного развития, теперь находятся в процессе распада и умирания, не сопровождающихся созданием новых, высших форм отношений.

XIV столетия могла дать некоторое представление о способе городского расселения сеньеров: огромная часть ее представляла собрание скученных боярских усадеб.

Грандиозные цифры, которые сохранились у писателей древности, не должны братья на веру. Только развитие обмена создает потребность в точном счете и самые его методы. В эпоху с преобладанием натурального хозяйства численность населения определялась на глаз, представления о ней составлялись на основании величины стен, с одной стороны, и громадных скоплений народа на рынках — с другой.

Те сотни тысяч, иногда миллионы, которыми старинные историки населяли древнейшие города, в особенности на Востоке новейшая историческая критика сводит к скромным десяткам тысяч ¹⁾. Так же тают при ее прикосновении и те сказочные цифры, в которых еще недавно выражались торговые обороты древности и средних веков.

Несомненно, что уже в феодальную эпоху к резиденциям феодалов тянулись бесконечные караваны, сопровождавшиеся целыми армиями торговцев, что по Нилу и Евфрату ходили уже флотилии гребных судов, и что многочисленные суда ассирийцев, финикийян, а впоследствии греков поддерживали более или менее постоянные сношения по Персидскому заливу, Красному и Средиземному морям. Но цифры, относящиеся сюда, сами по себе еще ничего не говорят ни о размерах торговли, ни о значении меновых отношений по сравнению с натурально-хозяйственными отношениями.

Прежде всего, при феодальных средствах транспорта для перевозки сравнительно небольших грузов требовались целые стада вьючного скота, в особенности если дорога шла горными странами. Крупная доля грузоподъемной силы вьючных животных, и вообще незначительной, затрачивалась на корм и съестные припасы, которые должен был брать с собой караван. Производя некоторые, очень несложные вычисления, мы убедились бы, что, напр., караван из 2—2½ тысяч ослов, пройдя сотни три верст, едва ли доставил бы товаров больше, чем *один* современный товарный поезд всего в два десятка вагонов. Осел же был одним из важнейших средств передвижения в сухопутной месопотамской, финикийской, палестинской и отчасти в греческой торговле ²⁾.

Грузоподъемная сила судов была, конечно, довольно большая. Однако и она покажется жалкой по сравнению с совре-

¹⁾ Население городов классического мира было много скучнее. Но даже в VI веке, когда торговля Афин и Коринфа уже переросла собственно феодальные рамки, все население каждого из этих городов не превышало 20—25 тысяч.

²⁾ Вот некоторые данные о перевозочных средствах караванной торговли. На осла в Египте и мула в Персии грузится 6—7 пуд., на лошадь в Туркестане до 7½ пуд., на верблюда в Аравии и Месопотамии 14—15 пуд. Средняя быстрота передвижения караванов даже на верблюдах редко превышает 60 верст в день.

менными средствами сношений. Для феодальной эпохи точных цифр у нас нет. Возьмем эпоху, которая далеко оставила за собой феодальные отношения, — возьмем суда германской Ганзы в XIV—XV веке. Крупнейшие морские суда этого времени не превышают 4—5 сотен тонн (1 тонна немного более 60 пудов). Значение этих цифр будет ясно, если указать, что баржи по Рейну поднимают теперь до 1.200 тонн, т. е. в 2½—3 раза больше. В баржи, ходящие по Волге, иногда грузится до 200.000 пуд. хлеба, т. е. до 3¼ тысяч тонн, или раз в 8 больше, чем груз крупнейших *морских* судов славной Ганзы; и даже в москворецкие баржи, идущие между Москвой и Коломной, грузится до 100.000 п. Товарный вагон поднимает от 10 до 15 тонн. Поэтому мы можем смело сказать, что каждое из тех судов, о которых с таким простодушным изумлением повествуют исторические документы, и для проводов и встречи которых выходил целый город, — каждое такое судно привозило грузов несравненно меньше одного товарного поезда.

Толпы торговцев, наполнявших древние и средневековые города тоже ничего не говорят о размерах торговли. Чтобы понять этих торговцев, мы можем обратиться к отношениям в современной земледельческой России. Крестьянин за десятки верст отправляется на ярмарку, на которой он сбывает несколько мер картофеля. Собиратель самоцветных камней на Урале в свободное от земледелия время предпринимает целые путешествия, чтобы возвратиться с выручкой в 20—30 рублей. Слесарь-кустарь бредет на отдаленнейшие ярмарки, чтобы продать несколько десятков дешевых замков.

Вот такие-то мелкие торговцы, посылаемые феодальной деревней и соединявшиеся в артели и караваны, оживляют торговые пути, переполняют рынки и ярмарки феодальной эпохи.

Словом, поглядев на дело с иной стороны, мы опять приходим к прежнему выводу: торговля феодальной эпохи еще не развивалась в такую силу, которая могла бы достигнуть полной самостоятельности: она оставалась как бы внешним придатком к хозяйству деревни и в особенности усадьбы, скорее ограничением, чем полным отрицанием натурально-хозяйственных отношений.

* * *

Одновременно с торговыми операциями и в тесной связи с ними развивались ростовщические операции.

Мелкий земледелец феодальной эпохи, при своей производственной универсальности и при крайней примитивности орудий труда, большею частью самодельных, в случаях нужды занимал у сеньера главным образом хлеб и скот и расплачивался опять-таки скотом и хлебом.

Пока не началось то обособление города-потребителя от деревни, о котором говорилось выше, сеньер был, разумеется,

заинтересован в возврате ссуды, но не особенно был заинтересован в ее приращении. Пока обмен оставался случайным, эпизодическим, он не мог использовать скопившиеся у него земледельческие продукты для обмена на предметы роскоши; он должен был потреблять их в той натуральной форме, в какой получил от крестьян.

Процесс создания «городов», есть процесс создания *рынков* для земледельческих продуктов, которые находят на них более или менее обеспеченный сбыт. И в древнем мире, и в средневековом намечаются первые зачатки дифференциации земледелия: скот доставляется в «города» из отдаленных гористых областей; зерновые хлеба — из соседних равнин; овощи, фрукты — из ближайших окрестностей; близ «ремесленных» центров развивается возделывание технических растений, в первую очередь красильных. Как бы слабо не была выражена эта дифференциация, однако уже она показывает, что обмен начал захватывать и земледельческие продукты.

Хлеб и скот, которые раньше были только потребительной стоимостью, становятся теперь меновой стоимостью. То самое развитие общественной власти, которое обеспечивало известную безопасность торговых путей, освобождало феодала от необходимости заботиться о боевой готовности зависимого от него крестьянства. Общественная власть — в лице ли сюзерена, в виде ли сеньеров, объединившихся в полисе, — прикрывали его от нападений сеньеров. Возможность сбывать земледельческий продукт, превращать его в предметы роскоши, приходила одновременно с возможностью усиливать эксплуатацию, не опасаясь роковых последствий.

Сеньер постепенно превращался в ростовщика. Таким образом запасный фонд на непредвиденные случаи (пожар, неурожай и проч.), который перешел к нему от патриархальной общины, мало-по-малу становился базисом для чисто ростовщических операций. Помощь хлебом, скотом оказывалась уже прямо для того, чтобы получить в возврат многократные количества скота и хлеба. Мертвая петля долгов, ежегодно увеличиваемых процентами, затягивалась на крестьянине. Безпощадный сеньер-ростовщик захватывал у него за долги весь хлеб и скот, затем землю, потом и его самого превращал в раба¹⁾.

¹⁾ Последовательные ступени этого процесса с большой силой описаны в „Бытии“. Но операции захватывающие обыкновенно несколько поколений, втиснуты здесь в 3-годовой промежуток времени и приурочены к одной личности, к Иосифу. В первый год голода Иосиф взял от египтян за хлеб все серебро, какое было в Египте. Во второй — таким же способом превратил в собственность фараона весь скот египтян. „И прошел этот год; и пришли к нему на другой год, и сказали ему: не скроем от господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего; ничего не осталось у нас пред господином нашим, кроме тел наших и земель наших. Для чего нам погибать в глазах твоих, и нам и землям нашим? купи нас и земли наши за хлеб; и мы с землями нашими будем рабами фараону, а ты дай нам семян, чтобы нам быть

Ростовщические операции сыграли не малую роль при переходе от феодальной системы к рабской и крепостнической. В древнем мире они послужили одним из методов обезземеления крестьян и превращения их в рабов, в России усиленная ростовщическая эксплуатация послужила одной из переходных ступеней к крепостнической эксплуатации. Но уже в Греции VII и VI века до Р. Х. эти операции ведутся в крупном масштабе, а в киевской Руси уже «Русская Правда» в значительной степени продиктована ростовщиками-сеньорами (или, несмотря на величайшее покровительство их интересам, все же представляет попытку дать хотя бы некоторую защиту их должникам).

8. Развитие денег.—Мировые деньги.—Мерило стоимости.—Сокровище.

На протяжении всей феодальной эпохи наиболее распространенной формой обмена была так называемая меновая торговля, т.е. непосредственный обмен предметов потребления. Тем не менее уже в феодальный период развитие денежно-меновых отношений делает некоторый шаг вперед.

Уже при господстве патриархально родовых отношений в различных областях началось развитие местных «денег». Процесс меновых отношений выделял из ряда товаров один товар, в котором все остальные товары выражали свою стоимость каждый раз, когда определение ее представляло практический интерес, т.е. при каждом акте обмена. В каждой территории такое исключительное положение заняли прежде всего товары, которые не производятся в ней, из-за которых она вступает в обмен с соседними территориями, и в которых, следовательно, она выражает стоимость своих продуктов каждый раз, когда на избыток их приобретает эти чужие товары. Со временем такую же роль начали играть те предметы собственного производства, которые приобрели решающее значение для жизни того или иного племени, напр., скот и продукты скотоводства у кочевников, меха пушных зверей у лесных бродячих племен и т. д. Таким способом «деньгами» в одних областях сделались шкуры, в других куски янтаря, в третьих — меди, в четвертых — золота и т. д.

При том огромном влиянии, которое кочевники оказали на развитие обмена, было совершенно естественно, что скот, в особенности вол и овца, приобрел широкое распространение в качестве мерила стоимости. Так, в Илиаде медный трепезник оценивается в двенадцать быков, металлическое воору-

живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля. И купил Иосиф всю землю египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый свое поле; ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого» (Бытие. XLVII, 18—20).

жение в девять, рабыня, опытная в женских работах, в четьре. И еще в эпоху Дракона (VII век до Р. Х.) штрафы исчислялись в головах скота. Изображение быка на древних греческих монетах некоторые историки связывают с тем обстоятельством, что металл был преемником скота в качестве денег. Название денег (*pecunia* от *pecus*—скот) и чеканка медной монеты *bovis oviumque effigie* («с изображениями быков и овец») показывает, что и в Риме скот функционировал в качестве денег.

В Евангелии от Матфея (VI, 19) имеется место, которое хранит воспоминание об эпохе, когда шкуры (и меха) были главным материалом для воплощения стоимости и потому, подобно позднейшим металлическим деньгам, служили для накопления богатств: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». Упоминание о ржавчине, как истребительнице богатств, показывает, насколько в Римской империи первых веков нашей эры, была свежа память о железе, как обычной форме сокровища. У древних персов, первобытных германцев и шведов главным мерилом стоимости тоже был скот. У кыргызов еще в конце XVIII века и стоимость обмениваемых товаров, и размеры богатства обычно переводились на скот, в количестве его находили свое выражение.

В древней Руси меха долгое время занимали выдающееся положение в качестве торговой статьи. Военно-меновые походы новгородцев и полян на патриархально-раздробленных соседей: древлян, радимичей, литовцев и финские племена, предпринимались в первую очередь из-за мехов. При таких же походах на Византию пушнина (и рабы) служила главным товаром, на который выменивались предметы роскоши Востока и Византии. На несколько столетий меха сделались главной формой денег на территории, занимаемой современной Россией. Самое слово «деньги» было заимствовано только в XIII веке у татар и служило для обозначения звонкой монеты. Деньги же вообще—как мерило стоимости и как обычная форма сокровищ—еще долгое время назывались *кунами*, словом, первоначальное значение которого было «меха». Одно из подразделений тогдашней денежной единицы было «векши». Да и вся древнейшая денежная система была построена на относительной стоимости обрабатывавшихся на рынке мехов различных зверей. Проповедник XI века твердо стоял на почве современной ему действительности, когда он убеждал не собирать себе сокровища, не собирать «куны (деньги) и порты (платье) на изъядение моли».

Крайняя неудовлетворительность таких денег, как шкуры и меха, сама собою понятна. К недостаткам их относятся прежде всего подверженность порче,—обстоятельство, на которое единодушно указывают и апостол Матфей, и русский проповедник, разделенные целым тысячелетием. Вторым, не менее важным недостатком является величайшая неоднородность

шкур даже одного и того же зоологического вида. Далее, идеальный денежный материал должен быть таков, чтобы уменьшение его количества пропорционально уменьшало его потребительную стоимость и стоимость трудовую. Между тем дорогой мех при делении его на части, в конце-концов, утрачивает потребительную стоимость, а вместе с тем перестает быть и стоимостью. Для выражения долей стоимости приходилось прибегать к более или менее искусственным мерам, напр., приравнивать мех горностая стольким-то мехам белки. Таким образом объективного масштаба цен не было, определение соотношения стоимостей различных денег, обращавшихся на рынке, получало произвольный характер, денежная система неизбежно приобретала хаотический вид, совершение каждого менового акта выдвигало целый ряд трудностей, которые обходились только при помощи чисто искусственных мер. Вообще развитие товара-мехов в товар-деньги представляло сравнительно небольшой шаг вперед от непосредственного обмена.

У древнейших германских племен скот, шкуры и меха первоначально тоже играли роль денег. Но уже до Р. Х. эти денежные материалы кое-где оттесняются янтарем. От племен, живших у Балтийского и Немецкого морей, янтарь уже в микенский период греческой культуры (начало первого тысячелетия до Р. Х.) через ряд посредников достигал до Балканского полуострова. В позднейшее время последовательные волны обмена переносили его до этрусков, первоначальных обитателей Аппенинского полуострова, а потом до их преемников, римлян. Как товар, на который легко было выменять всякие другие товары, янтарь на ряду с мехами превратился в деньги для германских племен, живущих на главных путях между северо-западом Европы и Италией. Как товар, неподверженный порче, отличающийся сравнительной внутренней однородностью, не вполне утрачивающий при делении свою потребительную стоимость, янтарь представлял более совершенный денежный материал, чем меха. Простого взвешивания двух однородных кусков янтаря достаточно для определения их относительной стоимости.

Но, хотя и более совершенный денежный материал, чем меха, янтарь все же был очень далек от совершенства. Только в виде исключения попадают куски янтаря, совершенно одинаковые по чистоте цвету и блеску. Делимость не идет дальше довольно тесных пределов, за которыми частицы янтаря утрачивают потребительную стоимость и с нею, конечно, меновую. С такими деньгами мог примиряться только обмен; едва лишь возвысившийся над ступенью непосредственного обмена, при котором нет никакого устойчивого масштаба, и каждая сторона при всяком меновом акте выражает стоимость своего товара все в новом и новом товаре.

В железе и в особенности в меди нет многих из тех недостатков, которыми отличаются такие денежные материалы,

как меха или янтарь. Поэтому в некоторых странах в течение долгого времени железо и медь в качестве денег занимали монопольное положение. В Греции, напр., в роли денег они выступили уже в гомеровскую эпоху; в Византии еще во время Пелопонесской войны (конец V века до Р. Х.) разменная монета делалась из железа; Спарта до III века пользовалась исключительно железными деньгами; в Сицилии приблизительно до того же времени все торговые расчеты производились на медь.

Однако и железные и медные деньги страдают крупными недостатками: их «ржа истребляет», они отличаются недостаточной внутренней однородностью, — припомним старые методы добывания железа, — в большом объеме и весе они представляют сравнительно малую стоимость. Такие деньги могли находить применение только при обмене, который вообще не был развит количественно, а качественно стоял на столь низкой ступени развития, что продукты, как общее правило, обменивались на продукты, деньгами же покрывались сравнительно ничтожные излишки меновой стоимости. Только при полной неразвитости обмена «законы Ликурга», который будто бы ввел и стремился увековечить в Спарте железные деньги, могли сохранять свою силу в течение многих столетий.

Борьба между различными денежными материалами неизбежно приводит к тому, что окончательная победа повсюду склоняется на сторону серебра и золота. Их физические свойства — полная однородность различных экземпляров, бесконечная делимость, при чем мельчайшие частицы легко опять соединяются в слитки, неизменяемость при действии кислорода воды или воздуха и даже большинства кислот, — все это делает их (в особенности золото) идеальным материалом для функционирования в качестве денег.

Благодаря своей значительной редкости благородные металлы приобретают то общественное свойство, которое Маркс называет высоким «экономическим удельным весом»: небольшое количество их представляет сравнительно большие трудовые затраты, т. е. сравнительно высокую стоимость. Это до чрезвычайности повышает подвижность таких денег: облегчает передачу их из рук в руки и перевоз из одной страны в другую. Но в то же время и их физический удельный вес настолько велик, что уже небольшое по объему количество оказывает чувствительное действие на весы. Благодаря этому в серебре и золоте могут найти себе выражение мелкие подразделения стоимости.

По всем этим причинам благородные металлы, сделавшись главным денежным материалом в одной территории, постепенно вытесняют другие денежные материалы во всех областях, с которыми первая связана меновыми отношениями. В Китае, Индостане и Месопотамии серебряные деньги получили широкое распространение уже во втором тысячелетии до

Р. Х., если не раньше. В средневековой Европе переход к металлическим деньгам потребовал много меньше времени и совершился на более низкой ступени развития обмена, чем на древнем Востоке: меновые сношения с Римом, Византией и арабами давали кельтам, германцам и славянам готовую форму, которая уже в древнем мире достигла значительной выработанности.

Одновременно с превращением металлов в главные орудия обмена, в деньги, началось развитие этих денег *в монету*.

Первоначально металлы функционировали в качестве денег в своей натуральной форме: в виде слитков, кусков, песку. Зародышевой формой собственно монеты были металлические украшения: ожерелья, браслеты, запястья, кольца, пластинки, которые надевались на ноги и руки, продевались в уши и нос, влетались в волосы. Из всех этих форм постепенно побеждает форма медного, серебряного или золотого кольца, как наиболее приспособленная для мелких платежей и для ношения. Повсюду, где обмен достигал известной ступени развития: в древнейшем Вавилоне, в Египте, Индостане, Иудее, у римлян, среди древних германских племен и первобытных обитателей Швеции, мы встречаем эту зародышевую форму монеты¹⁾.

Возникнув из украшения, эмбриональная монета в свою очередь произвела полный переворот в общем характере украшений. На предыдущей ступени развития вождь, выделяющийся из массы своего рода, обвешивал себя предметами, которые символизировали его личное военное превосходство. Теперь он обвешивает себя драгоценностями, которые должны всем возвещать, как он богат. Раньше лучшим его трофеем были скальпы или отрезанные уши врага. Теперь эти натуральные украшения заменяются золотыми и серебряными украшениями, а даже доспехи ценятся уже не только по их боевым качествам, но и по золоту, серебру, драгоценным камням, осыпавшим шлем или рукоятку меча. Втягиваемый в меновые отношения, прежний суровый воин постепенно превращается в ходячую выставку орудий обмена: уже они, а не только его военная сила, начинают символизировать его власть над людьми. Это — процесс, параллельный развитию вооруженного грабежа в двусторонний обмен и война — в купца.

В кольце функции денег еще не обособились от функций украшения. Напротив, металлические *прутья* с самого

¹⁾ Но если украшение дало начало металлической монете, то впоследствии развитая монета становится любимым предметом украшения, а на Востоке, отчасти на Балканском полуострове и т. д., остается таковым до настоящего времени. Следовательно, до сих пор не порвана связь монеты и украшений. Повидимому, именно тому обстоятельству, что кольцо — первобытная монета, оно обязано тем, что до сих пор сохраняет символическое значение: обмен подарками-кольцами — начало союза. Позднейшие истолкования совершенно затемнили первоначальный смысл этого обряда.

начала предназначались функционировать преимущественно в качестве денег. Эта форма придавалась не только серебру и золоту, но и железу и меди. Так как эти прутья по своему виду напоминали вертел (*δρόλος*), то они носили название «обол», долгое время сохранявшееся в Греции за мелкой монетой. Так как рукой можно было охватить шесть таких прутьев, то получилась денежная единица, называвшаяся «горетью», или драхмой (от *δοάττομαι*), и удержавшаяся после прочного перехода к серебряным деньгам.

Такие грубые методы измерения, как счет кусков металла, только приблизительно одинаковых, могли применяться лишь при относительной неразвитости обмена: пока денежный материал представлял сравнительно низкую стоимость, как медь или железо; пока меновые пропорции вообще носили более или менее случайный характер и заново определялись для каждого единичного акта обмена; пока вымениваемые прутья представляли потребительную стоимость не столько потому, что они средства обмена, деньги, на которые можно купить всякий другой предмет, сколько потому, что они могут непосредственно удовлетворять определенной потребности: в орудиях, доспехах, оружии. На этой ступени выделение одного определенного товара из ряда других товаров и превращение его в деньги сделало новый шаг вперед, но еще далеко от завершения.

Развивающийся обмен, выдвигая новый денежный материал, — серебро и золото, — вместе с тем создавал потребность в точных способах измерения. Имеет ли благородный металл форму слитков, колец или прутьев, при платежах он во всяком случае подвергается взвешиванию¹⁾. При сравнительно мелких платежах прут или кольцо расплющивается ударами молотка и потом от него отрубаются мелкие частицы, которые опять-таки подвергаются взвешиванию.

Весы сделались необходимым орудием всякого торговца, золотых дел мастер — неизбежным соучастником почти всякой сколько-нибудь сложной сделки. Так объясняется то исключительное положение, которое золотых дел мастер, — «кузнец по золоту» или «кузнец по серебру» (*Goldschmied* или *Silberschmied*), — занимали среди ремесленников на всем протяжении средних веков: их главным занятием было не ювелирное дело в собственном смысле этого слова, а особого рода банкирские операции, приближающиеся к размену. Из их же среды впоследствии вышли профессиональные менялы. Трудно представить себе, насколько сложным становилось производство всяких платежей благодаря постоянной необходимости

¹⁾ „И отвесил Авраам Ефрону серебра, сколько он объявил вслух сынов Хетовых, четыреста сиклей серебра“. „Вот серебро каждого в отверстии мешка его, серебро наше по весу его“. „Тогда человек тот взял золотую серьгу весом полсикля, и два запястья на руки ей, весом в десять сиклей золота“. (Бытие, XXIII, 16, XLIII, 21, XXIV, 22). Сикель или екель = 8, грамма, т. е. немного более двух золотников.

взвешивания. Еще лет 150 тому назад путешественники по Китаю рассказывали, что оно отнимало у купцов несравненно больше времени, чем самый торг, хотя последний на начальных ступенях обмена и сам по себе представляет невообразимо длительную процедуру.

По мере того, как обмен развивается, и, следовательно, металлические деньги все чаще и чаще переходят из рук в руки, взвешивание приходится повторять уже не при каждой их передаче. Серебряные прутья, кружки и кольца с самого начала изготавливаются такой величины, что они как раз соответствуют единице веса, господствующей в данной области. Так, в Вавилоне веков за пятнадцать до Р. Х. значительное распространение получили серебряные слитки по 5 сиклей. Купцы, занимавшие видное положение по широте своих меновых связей, начали удостоверять вес и чистоту этих слитков, накладывая на них свое клеймо. Но уже очень рано купцов оттеснили храмы, — в особенности храм «Великой Богини», — которые с самого начала были поставлены в центре меновых отношений. Отсюда оставался лишь небольшой шаг до того, чтобы изготовление таких слитков превратилось в исключительную привилегию феодального сеньера.

Так же развивались деньги и в позднейшее время: в Персии и Лидии времен Кира, в малоазийских колониях греков в начале VII века, в Эгине, Халкиде, Коринфе и Афинах к концу того же века, в Риме времен децимвиров: повсюду в эпохи, которые характеризуются быстрым ростом меновых отношений.

Таким образом потребности развивающегося обмена приводили к тому, что металлические деньги начали принимать форму монеты: прутьев, а впоследствии слитков определенной формы и строго определенного веса. Взвешивание заменилось более простой операцией: проверкой действительного веса монет и в сравнительно редких случаях — проверкой их чистопробности.

Величина и в особенности названия денег в их новой форме, в монете, еще долго напоминают о происхождении последней из старых денег, из чисто весовых денежных единиц. Так, в Вавилоне единицей веса был талант, который делился на 60 мин, а мина в свою очередь на 60 секлей — и все эти весовые отношения и названия были воспроизведены в монетной системе. Последняя с изменениями названий и некоторыми видоизменениями весовых отношений перешла к грекам и римлянам. «Фунт стерлингов» и «ливр» (фунт) в свое время тоже были названиями, соответствовавшими действительному весу монеты. Но уже в феодальный период началось расхождение названий с действительным содержанием металла в монетах. Его первоначальной причиной была, вероятно, двойственность монетной системы: серебро, древнейший денежный материал у египтян, греков, римлян и германцев, постепенно разделяет свое господствующее положение

ние с золотом или сплавом золота и серебра. Но $\frac{1}{13}$ — $\frac{1}{14}$ фунта золота представляла такую же стоимость, т.-е. такое же количество трудовых затрат, как один фунт серебряных денег.

Мелкие подразделения монетной единицы получались посредством ее действительного разделения. Так, арабская диргема (или диргам), серебряная монета величиной менее платинника, получившая значительное распространение в древней России, разрезалась на половинки, четверти, даже на двадцатые доли, которые играли роль мелкой разменной монеты. Бывало и так, что от золотой или серебряной монеты, как от прежнего слитка, отрубали известную долю. Уменьшенная монета, пока урезывание не заходило дальше известных пределов, обращалась в более или менее ограниченной области, как полноценная: совершенно так же, как еще очень недавно в России обращалась по своей нарицательной стоимости разменная серебряная монета, пробитая в середине и урезанная по краям. Но, отдаляясь от своей области, поступая к иноземным купцам, монета опять превращалась просто в денежный материал и подвергалась оценке исключительно на основе действительного веса металла. В большинстве восточных государств до сих пор купцы принимают по весу даже местную монету. Словом, целый ряд промежуточных звеньев соединяет развитую монету с фактически взвешиваемым денежным материалом, с товаром, с обыкновенным предметом торговли.

Области, в которых деньги обращались в виде монеты, т.-е. на основании удостоверенного клеймом их металлического содержания, оставались очень ограниченными на всем протяжении феодальной эпохи; они совпадали с областями, на которые распространялась власть сюзеренов, коллективных или единоличных. Так, в древней Персии право чеканки монеты принадлежало многим городам и сатрапам. В Греции VII—VI веков до Р. Х. собственная монета чеканилась в Эгине, Халкиде, Эретрии, Коринфе, Афинах, Беотии, Фокиде, Аркадии, Кирене и т. д. В древнем Риме только в начале I века до Р. Х. у союзников было отнято право чеканить монету, но и тогда за ними оставлено право чеканки разменной монеты. Важнейшие города восточных римских владений чеканили собственную монету до эпохи Диоклетиана.

Такой же характер местных, областных денег имела монета в средневековой Европе. В Германии на исходе средних веков насчитывалось до *шестисот* сюзеренов, епископов, аббатов и городов, чеканивших каждый собственную монету. В Польше до половины XV века всякий крупный магнат мог открывать у себя монетный двор. Во Франции до XII—XIII века правом чеканки монеты пользовалось от 30 до 40 сюзеренов, — графов и герцогов. В России до конца XV века монета чеканилась не только такими крупными сюзеренами,

как князья московский, тверской или рязанский, но и такими мелкими удельными князьями, как старицкие или городенские, сеньерии которых не превышали размеров одного теперешнего уезда, иногда одной волости. Даже в Англии чеканка монеты превратилась в королевскую регалию, т. е. в исключительное право короля, только в конце XII столетия.

Нелегко в настоящее время представить себе, к какому хаотическому разнообразию монетных систем приводила монетная автономия мелких областей феодальной эпохи. Меры веса находились еще в процессе выработки и изменялись от одной страны, даже от одной провинции к другой. Только потребности развивающегося обмена медленно приводили к известному единству в этой сфере: к тому, что известная весовая единица получала общее распространение в территориях, связывающихся между собою обменом, и к тому, что господствующим становилось последовательное подразделение ее на определенное количество долей: на 60, как было в Вавилоне, или на 50, как постепенно устанавливается в Греции (это — уже переход к десятичной системе). На небольшой площади неизбежно сталкивались монеты, построенные на таких системах веса, которые отличались одна от другой, как господствующая до сих пор в России система торгового веса отличается от системы аптекарского веса и десятичной (метрической) системы.

Печать провинциальной обособленности, лежащая на монетах, еще больше усилилась, когда начался упомянутый выше разрыв их с системами веса. Величина основной монетной единицы сделалась изменчивой и более или менее произвольной. «Гривна», т. е. монета, которая первоначально содержала 1 фунт серебра, чеканилась одним козереком в $\frac{5}{8}$ фунта, другим — в $\frac{1}{3}$, третьим — всего в $\frac{1}{4}$. Соответственно изменялся и вес ее дробных подразделений. Не меньшее разнообразие получалось от того, что в одних областях монета чеканилась из чистого золота, в других — с примесью серебра.

Таким образом в первоначальной истории денег ярко отразилась вся история феодального общества.

Обмен между соседними родовыми группами, последовательно развиваясь от единичной до всеобщей формы, приводил к созданию первичных межродовых союзов, охватывающих сравнительно ограниченные территории, — и в то же время в каждом из таких союзов выдвигал тот или иной товар, как обычное мерило меновой стоимости, как «местные деньги»: скот, шкуры или меха, раковины, куски соли, янтарь, железо, медь, серебро, золото.

По мере того, как сфера меновых отношений расширялась, возникали слабые меж-областные союзы, — и в то же время начиналась борьба между местными деньгами за преобладающее положение. В одной стране, она оканчивалась победой мехов, в другой — янтаря, в третьей — железа.

Отдельные страны в своих взаимных отношениях повторяли потом историю областных союзов. Иногда страны, связывающиеся примитивным обменом, объединялись завоеванием, утрачивали свою политическую самостоятельность. Иногда же они сохраняли эту самостоятельность; но в таком случае постепенно вырабатывались известные обычные нормы зародышевого «международного права», которые санкционируют мирный обмен между ними. И в том, и в другом случае «отбор» денежного материала получал более широкую арену для своего действия и приводил к тому, что «местные деньги» той или иной страны развивались в общие, в «мировые деньги» всех стран, экономически связывающихся между собою. Так, медь вытеснялась серебром, а последнее, в конце-концов, сменялось золотом: процесс, который до сих пор не достиг завершения, поскольку, напр., в индоостанской торговле, да и вообще в азиатской, даже все внешние сделки по большей части исчислялись на серебро и обслуживались серебром, которое отчасти еще и теперь сохраняет здесь господствующее положение в качестве денег¹⁾.

Поскольку отдельные местности связываются обменом, постольку местные деньги оттесняются единым денежным материалом: во всех древних странах, окружающих Средиземное море, во всей средневековой Европе единственными деньгами становится серебро, потом серебро и золото.

Но поскольку феодальное производство остается в силе, т.-е. поскольку хозяйство имеет натуральный характер, поскольку мелкие области и провинции сохраняют экономическую и политическую самостоятельность, постольку единый денежный материал получает в них клеймо локальной и провинциальной обособленности: превращается опять в *местные* деньги, в монету, которая, как таковая, может функционировать лишь в своей ограниченной территории.

Получается полная аналогия с религиозным развитием феодальной эпохи, с развитием общих союзных богов и общего культа, стоящих над местными фетишами и культами. Первые неопределенные тенденции к монотеизму возникают на той самой экономической основе, на которой местные деньги расширяют сферу своего функционирования и шаг за шагом превращаются в мировые деньги. И подобно тому, как местные фетиши связываются цепью происхождения с верховным божеством всего союза, так все местные деньги, монеты,

¹⁾ Маркс (в „Критике политической экономии“, 1859 год, и в I томе „Капитала“, 1867 год) признавал мировыми деньгами и золото, и серебро. Так оно и было в действительности от древнейших времен до самых последних десятилетий. Но уже Энгельс в одном примечании к 4 изданию I тома „Капитала“ (1890 год) высказывает предположение, что быстрое понижение стоимости серебра—следствие уменьшения трудовых затрат на его добывание—поведет к тому, что оно перестанет функционировать на мировом рынке в качестве денег. В настоящее время это—совершившийся факт.

происходят теперь от единого денежного материала, от серебра или золота. При всех событиях, выходящих по своему значению за пределы отдельных феодальных групп, они от своих близких и живых по своей близости фетишей обращаются к отдаленному общему божеству: так и местные деньги, переходя за пределы своей области, утрачивают клеймо местной ограниченности, стирают с себя печать местного сюзерена и превращаются в общий, абстрактный денежный материал.—просто в такое-то количество серебра или золота.

Историки и экономисты любят распространяться на тему о том, как обмен феодальной эпохи тормозился полной децентрализованностью монетного дела. Если бы они более вдумались в суть феодального производства и феодального общества, они подчеркнули бы другую сторону дела: как ни слаб был обмен феодальной эпохи, однако, уже он положил конец хаосу местных денежных материалов; пестрое разнообразие их он заменил повсеместным единообразием такого совершенного денежного материала, как серебро и даже золото. Пока главные деятели обмена всем своим существованием были связаны с феодальной усадьбой и с феодальной деревней, они не могли сколько-нибудь глубоко ощутить противоречие между этими мировыми деньгами и местной монетой. Оно было адекватным выражением существующей экономической действительности,—натурально-хозяйственных миров, медленно связывающихся между собою меновыми отношениями. Поэтому оно вовсе не существовало, как действительное противоречие.

* * *

В феодальную эпоху особенное значение приобретают двойного рода функции денег: они служат: 1) мерой стоимости, 2) материалом для образования сокровищ, богатств.

Мы видели, что уже в предыдущую эпоху выражение стоимости становится косвенным, утрачивает свою связь с трудовыми затратами. Формула: 1 топор=10 золотникам янтаря, сама по себе ничего не говорит о действительных причинах этого равенства. Еще менее говорят о них те формулы: 1 топор=20 драхмам, 10 рублям и т. д., которые получаются, когда известный металл развивается в деньги, а эти деньги становятся монетой, только номинально связанной с весовым содержанием денежного материала. Выражение стоимости целого ряда товаров окончательно превращается в преискурант, в перечень цен, выраженных в монетной системе, порвавшей свою связь с системой веса: 1 меч, 2 топора, 5 копий,—каждый из этих товаров=10 драхмам или 10 гривнам. Деньги в форме драхмы, гривны, ливра и т. д., вместе со своими монетными подразделениями окончательно обособляются от мира товаров и противостоят ему, как нечто совершенно отличное от него, обладающее над ним какой-то таинственной властью.

* Меновые сделки феодальной эпохи в преобладающем

большинстве случаев носят характер обмена продуктов на продукты. Но меновая стоимость каждого из этих продуктов выражается уже не в определенном количестве другого продукта, а в цене, т. е. в определенном количестве денег. Напр., 1 меч после продолжительного торга оценивается в 10 драхм, 2 шкуры в 8 драхм. Как *мерило стоимости*, деньги для той и другой стороны—воображаемые деньги, фигурирующие только в расчетах обеих сторон. Но для того, чтобы обмен меча на шкуры действительно совершился, вторая сторона должна добавить первой только 2 драхмы действительных денег, как *покупательные средства*.

По мере того, как все товары начинают выражать свою стоимость в определенном количестве денег, представлять для своих владельцев просто то или иное количество денег, денежный материал становится, наоборот, представителем всех возможных товаров, единственным действительным товаром, абстрактным выражением потребительных стоимостей всего безконечного мира товаров. В то время, как всякий товар удовлетворяет только одну какую-либо потребность, деньги удовлетворяют всякую потребность, поскольку они могут быть превращены в какой угодно предмет потребления. Таким образом серебро и золото становятся господствующей формой *богатства*, как социальной силы, дающей власть над продуктами чужого труда.

В феодальную эпоху накопление материального богатства, *образование сокровищ*, лишь медленно порывало свою связь с непосредственным потреблением. Денежный материал накоплялся преимущественно в форме украшений и утвари светских сеньеров: серебряные и золотые бокалы и кубки, блюда и вазы, изваяния и части тронов; в виде украшений и принадлежностей храмов: золотые и серебряные идолы и одежда на идолах,—на статуях и иконах,—жертвенники и чаши, предметы жреческого облачения и т. д. Именно таким способом к храмам Греции в некоторые эпохи (напр., в VI веке) стягивалось почти все наличное золото. Преимущественно форму предметов потребления имели сокровища царей Соломона и Креза. При чрезвычайных обстоятельствах,—напр., чтобы выкупить сеньера из плена или уплатить чрезвычайную контрибуцию победителю,—эти предметы потребления извлекались из хранилищ и начинали функционировать, как действительные деньги.

Сохраняя связь с потреблением, накопление денежного материала не могло развиваться в самоцель до такой степени, как это произошло в позднейшие эпохи.

9. Силы развития в феодальном обществе.

Феодальное общество представляет последнюю ступень старой натурально-хозяйственной системы, ее историческое завершение, с которого начинается в то же время переход к совершенно иному экономическому типу общества, мено-

вому или товарному. Соответственно этому, и силы развития в эпоху феодализма имеют двойственный характер. С одной стороны, при возросшей уже значительно, по сравнению с предыдущими периодами, плотности населения, при отсутствии незанятых земель или при крайней трудности достигнуть их, *абсолютное перенаселение*, под оболочкою земельной тесноты со всеми вытекающими из нее военными конфликтами общин, племен, целых народов и рас, продолжает действовать интенсивнее, чем когда-либо раньше. С другой стороны, развитие *обмена* в эту эпоху делает его уже существенной и постоянной составной частью экономической жизни общества, и он выдвигает на сцену новые, специально ему свойственные, силы развития—силы, которые в общей форме можно обозначить, как «относительное перенаселение» и влияющие менового процесса.

Феодальный мир единодушно изображается историками, как царство войны по-преимуществу; бесчисленные военные конфликты, мельчайшие, мелкие и крупные, сопровождают весь процесс его организации, иногда ускоряя его развитие, иногда замедляя, но всегда налагая на него свой специфический отпечаток. Однако и тут войны сами по себе—не движущие силы социального бытия, а только частные проявления этих сил. Если же мы рассмотрим причины феодальных войн или, что то же, их экономическое содержание, то двойственный характер сил развития обнаружится для нас вполне наглядно.

Значительная доля войн феодализма должна быть, несомненно, отнесена за счет земельной тесноты или, что то же, перенаселения. Таковы, напр., беспрестанные завоевательные и грабительские походы скандинавов, племен, населявших страны крайнего севера Европы, с очень суровой и бедной природой, дававшей лишь ограниченные средства к жизни. Таковы были колонизационные походы германцев для вытеснения славян, славян для вытеснения финско-монгольских племен на востоке и северо-востоке Европы. Таковы нападения тюркских племен на Византийскую Империю, на славян и германцев нынешней Австро-Венгрии; таковы были вначале и завоевательные походы арабов в эпоху развития магометанства. И параллельно с такими крупными историческими передвижениями, сюда же относятся бесконечные столкновения маленьких и больших феодалов из-за различных спорных клочков земли.—Но уже здесь легко видеть, что перенаселение абсолютное не одно, или, по крайней мере, не в чистом своем виде служит источником этой борьбы и возникающих из нее социальных изменений. Прежде всего, тут имеется перед нами не только перенаселение вообще, но также специальное и своеобразное «перенаселение» феодалов, как особого социального класса.

Феодал, подобно прежним организаторам, патриархам и вождям предыдущей эпохи, живет за счет прибавочного труда

своих подчиненных или «подданных»; но он уже гораздо дальше отошел от них в смысле развития и расширения потребностей. Само по себе возрастание размеров общины, т. е. увеличение количества прибавочного продукта, стекающегося в руки феодала, не могло бы оказать особенно значительного действия в этом направлении, поскольку хозяйство оставалось натуральным: потреблять много больше других членов общины в смысле чисто количественном, феодал все равно не может, а с качественной стороны — продукты общины немногим более разнообразны, чем прежде. Но развитие меновых отношений позволяет феодалу количество продуктов замещать качеством, — обменивать излишек обычных произведений труда его подданных на самые различные и, в том числе, самые утонченные предметы потребления, производимые другими общинами, и даже другими странами. Благодаря этому, если бы сословие феодалов и не размножалось вовсе, то при застойной технике все-же становилось бы для их вассалов труднее и труднее добывать средства к удовлетворению их расширяющихся потребностей; а между тем феодалы, конечно, размножаются и большей частью, еще быстрее своих вассалов ¹⁾. Отсюда неизбежное возрастание тягот, лежащих на низшем сословии, возрастание непрерывное, какое испытывали на себе, напр., крестьяне средневековой Европы. К перенаселению абсолютному, означающему невозможность при данной технике добывать на данном пространстве земли достаточную сумму *натуральных* жизненных средств для его обитателей, присоединяется перенаселение «относительное», означающее невозможность удовлетворять растущие потребности определенного класса, при данной его численности. Это не такое «относительное перенаселение», о каком нам придется говорить при изучении капитализма, с его резервной армией безработных, — но оно тоже является «относительным» в том смысле, что зависит не от абсолютной недостаточности данной системы производства для данного числа ее участников-потребителей, а от социальных соотношений между классами эксплуататоров и эксплуатируемых.

¹⁾ Несмотря на свою боевую профессию, феодалы в отношении численности едва ли больше других сословий страдают от войны: у них лучшее вооружение и наибольшее искусство простых дружинников погибало в сражениях, по имеющимся данным, сравнительно гораздо больше; а беззащитных крестьян, судя по описаниям варварского велевия тогдашних войн, относительно еще больше: было в обычае не только грабить, но в значительной мере и истреблять мирное население на землях врагов. В результате относительно быстрого размножения феодалов, получилось то, что, даже несмотря на большую еще силу и прочность семейных связей, дальние родственники сеньеров вынуждены с течением времени ограничиваться скромным положением полу-крестьян, полу-рыцарей, образуя мало-по-малу особый, довольно обширный слой мелкого дворянства, с демократическим образом жизни и даже своеобразно демократическими тенденциями, как те элементы, из которых сложилась подавляющая английская «джентри», большая часть польской шляхты и т. под.

Далее, поскольку обмен успел сложиться в устойчивые формы, поскольку уже существуют определенные его центры или рынки, торговые дни, ярмарки и т. под., — постольку возникают условия для постоянной рыночной борьбы, которая является особым, самостоятельным двигателем технических и экономических изменений: борьбы между продавцом и покупателем и, в данную эпоху в меньшей степени, конкуренции между продавцами. Выступает ли на рынке непосредственный производитель — вассальный крестьянин, ремесленник, — или присвоитель их прибавочного продукта — феодал, или, наконец, начавший уже всех их эксплуатировать профессиональный посредник — торговец, — во всех случаях оказываются налицо новые мотивы и условия прямо или косвенно ведущие к изменениям техники и социальных отношений. Для всякого продавца возможность удешевить продукт представляет наибольшую гарантию успешного сбыта его товара. Непосредственного производителя это заинтересовывает в повышении производительности его труда, т. е. в улучшении приемов производства; феодала это же самое побуждает к усилению эксплуатации производителей, что в свою очередь заставляет их для удержания своего жизненного уровня усваивать по мере возможности лучшие методы труда; торговец побуждается рыночной борьбой и к усилению эксплуатации, но также и к изысканию наиболее дешевых способов приобретения и доставки товаров.

Новые стимулы развития действуют не так резко и остро, как сила непосредственного перенаселения, — но зато несравненно более систематично и неуклонно: они оказывают свое давление при каждом акте обмена, так что влияние их повторяется несчетное число раз. Относительно всею слабее их действие на крестьянина, который в феодальную эпоху обыкновенно почти не выступает на рынке и не связан с ним непосредственно, а связан только косвенно, через феодала, продающего его прибавочный продукт, или через торговца. Если к этому прибавить наибольший гнет авторитетов, лежащий на крестьянине, и особенную узость его жизни, фактически почти невыходящей за пределы его общины и ее маленькой территории, то нам станет понятен тот огромный консерватизм, технический и идейный, который обнаруживает история средневекового, напр., крестьянства. Можно признать, что, вообще, для феодальной системы не в крестьянском сословии лежит исходная точка и опора социального развития.

Наиболее прогрессивные классы феодального общества, это наиболее тесно связанные своими жизненными условиями с обменом и рынком — ремесленники и торговцы. Что касается феодалов, то они и тогда класс не настолько неподвижный и застойный, как их крестьянство; но развитие их влиянием рынка направляется, как мы видели, в сторону главным образом расширения потребностей и усиления эксплуатации, следовательно — в сторону социального паразитизма. И это

относится не только к феодалам светским, но, с течением времени все в большей мере, и к жреческому сословию, в котором, под действием обмена и растущего накопления собственности, производственно-организаторская функция начинает оттесняться жаждою эксплуатации, паразитической тенденцией.

Совместное действие натурально-хозяйственных и меновых сил развития выступает исторически в самых различных комбинациях; отсюда — и различный характер, и различный темп социальных изменений. Что касается первого, то нам придется выяснить его, изучая те общественные формы, которые возникают из феодального строя и на смену ему; а относительно второго мы уже раньше отметили, что, при всех вариациях, скорость развития, однако далеко превосходит ту, какая была свойственна предыдущим эпохам, и что, вообще, в феодальном периоде столетия выполняют такую социально-преобразовательную работу, какую в патриархальную эпоху выполняли, приблизительно, тысячелетия. Ускоряющим моментом является по-преимуществу именно обмен; чем выше его развитие, тем быстрее изменяется строение обществ. При посредстве меновых сношений страны, ушедшие вперед на пути социальной организации могут своим влиянием значительно облегчать движение стран более отсталых, значительно сокращать период, необходимый для их перехода к новым формам.

10. Место феодальной системы в истории экономического развития.

В истории вообще нет резко обособленных эпох или фаз развития. Отдельные ступени связываются между собою рядом промежуточных звеньев. Так, зачатки патриархата появились уже в группах, общий строй которых сохранял матриархальный характер, и, наоборот, в патриархальных родовых группах долго сохраняются живучие остатки матриархальных отношений.

В предыдущем дана попытка познавательного установить общие и основные элементы феодальной системы в ее чистом виде. Но в истории феодальная эпоха не стоит как нечто замкнутое, решительно обособленное от предыдущей и последующих ступеней: рассматриваемая в общей исторической связи, она, как и другие эпохи, представляет лишь одно из тех звеньев, которые в непрерывном процессе развития связывают прошлое с последующим, и в которых сохраняются некоторые элементы прошлого, но вместе с тем зарождаются и основные элементы следующих ступеней. Так, напр., феодальные союзы и сеньориальная власть в своей первоначальной форме представляют лишь дальнейшее развитие межродовых союзов патриархальной эпохи и функций патриарха, главы родовой общины. В дальнейшем, на высших ступенях

своего развития, феодальная система обнаруживает зачатки рабовладельческих, крепостнических и даже ремесленных и торгово-капиталистических отношений. И только от конкретных условий—от окружающей природы и от исторической обстановки—зависит, насколько быстро идет дальнейшее развитие феодального общества, и какие новые формы складываются из него: останавливается ли оно на ступени слабого первоначального объединения, как австралийские племена; приходит ли к созданию таких внешне мощных, но внутренне неустойчивых рабовладельческих механизмов, как объединения древнего мира; или же служит исходным пунктом того непрерывного процесса развития, который привел Европу от средневекового феодализма к современному капитализму.

Уже в феодальный период крестьянин частью своего трудового существования включается в производство сеньера: известную долю своего рабочего времени он отдает, в качестве барщины, запашкам сеньера. В тот же период появляются и рабы. Но они применяются преимущественно для домашних работ, приближаются по своему положению к прислуге, входят как элемент в потребительное, а не в производительное хозяйство своего господина: так же, как и он, потребляют продукты, произведенные феодальной деревней.

С развитием обмена и ростом потребностей феодала, эксплуатация деревни усиливается. К ее разрушительным действиям присоединяется действие войн, которые требуют от деревни и средств, и людей. Собственное производство крестьянина падает. Даже в нормальные годы он вынужден прибегать к ссудам, которые носят характер продовольственных ссуд. Сельскохозяйственный инвентарь приходит в упадок. Собственные запашки, которые еще сохраняются у крестьянина, затушевывают в течение некоторого времени то обстоятельство, что фактически он уже превратился в раба. Когда за долги отбирается и весь инвентарь и эти запашки, крестьянин и юридически становится рабом. Все хозяйство сеньера строится не столько на труде феодально-зависимых крестьян, сколько на труде рабов: военно-пленных и бывших крестьян, возвращенных в невольников.

По мере того, как падает крестьянство, эта основа феодального производства, военные походы предпринимаются уже с той целью, чтобы доставать новых невольников для замены изношенных и для расширения рабского производства. Ложась главной тяжестью по-прежнему на крестьянство, они довершают его гибель. Так *феодальное* общество окончательно переходит в общество *рабовладельческое*.

Крепостнические отношения даже в своей развитой форме по внешности очень близко напоминают *феодальные* отношения: те же внешние соотношения крестьянского и господского производства и хозяйства, те же повинности, обычно те же наименования этих повинностей и *номинальная* связь их с определенными функциями сеньера. Но глубокое отли-

чие крепостнических отношений от феодальных заключается в том, что эти функции частью отошли от сеньера, напр., функции военной защиты, частью же превратились просто в предлог для поборов и в средство для более прочного подчинения крестьян, как, напр., судебные функции. Сеньер-организатор сменился помещиком-потребителем, который, ничего не давая для производства, развивает свою деятельность, если можно говорить о таковой, в исключительно эксплуататорском направлении, или же, напротив, помещиком-предпринимателем, который отличается от капиталистического предпринимателя только открытым применением прямого принуждения к эксплуатируемым.

Но феодальная система тесно связана не только с дальнейшими ступенями общественных отношений в деревне: к ней непосредственно примыкает в своем возникновении и *городское ремесло*, и *торговый капитал*, а следовательно, и все городское развитие до эпохи промышленного капитализма. Уже в феодальных деревне и усадьбе появились эмбриональные ремесленники и торговцы. Им остается порвать свои еще очень тесные связи с феодальным производством, с большей исключительностью опереться на ремесленно-промышленное производство или на торговлю, создать вне деревни и вне усадьбы самостоятельные центры новой жизни и деятельности, уничтожить или, по крайней мере, ослабить свою зависимость от сеньера, — и перед нами будет ремесленно-торговый город: не старый город потребитель, служивший внешним придатком к феодальным усадьбам, а средневековый город, центр новой экономической жизни, которая в ряде последовательных ступеней развивается до полного отрицания отношений феодализма.

Феодальный период, как и предыдущие, характеризуется господством натурально-хозяйственных отношений. Но избытки собственного производства уже вообще поступают на рынок, некоторые продукты уже с самого начала предназначаются для рынка, т.-е. производятся как товары, а не как предметы собственного потребления. Обмен развивается до такой совершенной формы, как денежная, и выдвигает такой совершенный денежный материал, как золото и серебро, которые начинают функционировать в качестве мировых денег.

Развитие денежной формы обмена делает возможным накопление денег для денег, эту «варварскую форму производства для производства, т.-е. развитие производительных сил общественного труда за пределы традиционных потребностей» (Маркс). Организатор, удовлетворяющий часть своих потребностей продуктами чуждого ему производства, накапливает денежный материал, в котором воплощается уже не его непосредственная власть над зависимым от него населением, а его экономическая власть над чужим трудом и над продуктами чужого труда вообще. Таким образом, функционирование денег в качестве сокровища является выражением новых

производственных отношений между людьми, — тех отношений, при которых они противостоят друг другу, как продавцы и покупатели товаров, как товаропроизводители. Возникнув из натурально-хозяйственных отношений, накопление сокровищ предвосхищает, антиципирует товарное производство, производство на рынок.

Точно так же, являясь продуктом развивающегося обмена, золото и серебро, в качестве мировых денег, становятся в то же время средством для расширения сферы обмена. Функционируя в качестве мировых денег, золото и серебро предвосхищают развитие мировой торговли и производства на мировой рынок.

Так как уже в феодальном обществе возникают зачатки тех отношений, которые, достигнув полного развития, превращают общество в рабовладельческое, крепостническое, ремесленное, торгово-капиталистическое, то зачастую бывает до чрезвычайности трудно отграничить отношения собственно феодальной эпохи. Но, с другой стороны, эта эпоха характеризуется таким внутренним единством и целостностью всех отношений, как ни одна из следующих ступеней развития до эпохи промышленного капитализма: и рабовладельческое, и крепостническое, и ремесленное хозяйства представляют лишь частичное отрицание системы феодализма, и даже торговый капитал обыкновенно оказывается не в силах произвести универсальный переворот в экономических отношениях. Некоторые же отношения и категории феодализма (напр., крупное землевладение, рента, крестьянство; в политической области — наследственность известных положений, палата лордов, господ и проч.) доживают до эпохи полной зрелости промышленного капитализма.

По всем этим причинам, в истории экономического развития феодализму принадлежит центральное место среди до-капиталистических систем.
